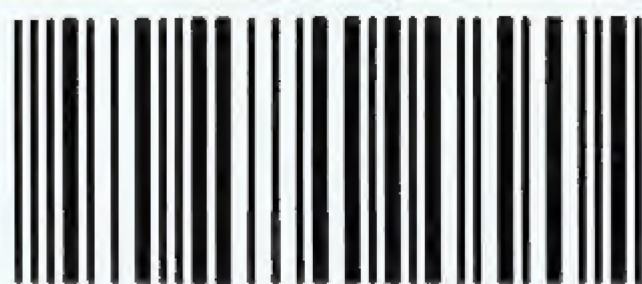

2007055456

ВВЕДЕНІЕ

въ

ФИЛОСОФІЮ.

Сочиненіе

Профессора Спб. Д. А. Карпова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1840.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги. С. Петербургъ, 1840 года. Февраля 29 дня.

Цензоръ Соборный Іеромонахъ *Іоасафъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто вникалъ въ существо науки и неукоснительно слѣдовалъ за ея ходомъ; тотъ знаетъ, что она не долго довольствуется тѣми мыслями, въ которыхъ не давно была развита, и тѣми книгами, въ которыхъ писатели думали запереть ее, какъ въ волшебномъ кругѣ. Она сдѣлала шагъ впередъ, — и предписанные ей предѣлы уже назади, ткань мыслей не полна, книга устарѣла. Такъ жестоко шутитъ наука надъ человѣческимъ мышленіемъ и Гуттенберговымъ искуствомъ! По моему мнѣнію, теорію науки надлежало бы печатать за день до смерти, какъ пожизненный отчетъ потомкамъ въ умственной дѣятельности ихъ предка. Такъ думалъ я болѣе десяти лѣтъ и развивалъ свою идею только

для себя и своихъ слушателей ex officio. Но старость не за горами, жизнь коротка и конецъ ея неизвѣстенъ: пора, кажется, позаботиться и объ отчетѣ, и оправдаться даже предъ тѣми людьми, которые судятъ о наукѣ и ученыхъ только по печатнымъ документамъ. Таково побужденіе, располагающее меня къ изданію моей системы. Знаю, что трудъ мой недостаточенъ: но я сдѣлалъ, что могъ; наука есть достояніе вѣковъ, а не частныхъ лицъ; другіе сдѣлаютъ болѣе.

Предлагаемое теперь читателямъ введеніе въ Философію заключаетъ въ себѣ мои мысли вообще о Философіи и объ образѣ систематическаго ея развитія. Внѣшняя цѣль сей книги конечно — не въ свѣтѣ, гдѣ Философія еще не пользуется расположеніемъ, а въ школѣ: однако жъ моей книгѣ хотѣлось бы также доказать и въ слухъ свѣта, что тѣ противорѣчатъ сами себѣ, которые, любя науки (хотя бы-то опытныя) и желая имъ успѣховъ, преслѣдуютъ теорію вообще и Философію въ частности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Нужно ли введеніе въ Философію и каково должно быть его содержаніе?

При первомъ взглядѣ на всякое введеніе, невольно раждается вопросъ: для чего оно? Не есть ли это роскошь, прихоть въ области наукословія? Въ самомъ дѣлѣ, иногда пишутъ введеніе или вовсе безъ нужды, или по крайней мѣрѣ слишкомъ обширно, несообразно съ требованіемъ предмета. Кто излагаетъ какую нибудь частную теорію на общихъ, всѣми принятыхъ началахъ, и предполагаетъ, что въ значеніи отдѣльныхъ моментовъ ея всѣ согласны; тотъ не имѣетъ надобности въ введеніи, и если бы написалъ его, то написалъ бы безъ цѣли. Равнымъ образомъ, кто, приступая къ изложенію частной теоріи, пускается въ безконечныя изслѣдованія, говоритъ много о томъ, что можно бы высказать коротко

и ясно, и представляетъ введеніе складочнымъ мѣстомъ своей учености, или палестрою своего таланта; тотъ забылъ, что онъ только еще идетъ къ наукѣ и, засмотрѣвшись на себя, вмѣсто введенія пишетъ quodlibet.

Но злоупотребленіе—не укоръ употребленію. Есть науки, въ которыхъ введеніе совершенно необходимо. Къ числу ихъ мы относимъ особенно тѣ, на которыя умъ можетъ имѣть различные взгляды, слѣдственно составлять объ нихъ разныя понятія. Писатель, намѣревающійся изложить методически одну изъ такихъ отраслей знанія, непремѣнно долженъ предварительно объясниться, какъ онъ разумѣетъ значеніе основныхъ моментовъ ея; иначе читатели, или слушатели его не будутъ имѣть нити, съ помощію которой они могли бы слѣдовать за развитіемъ его системы, правильно понимать ее и вѣрно оцѣнивать ея выводы. Въ тѣ времена всеобщаго рыцарства, когда и практическая и раціональная жизнь отпечатлѣвалась характеромъ полемическимъ, когда и общество и школа любили состязаться о всякой всячинѣ и всякимъ образомъ, принято было за правило — не начинать спора, не опредѣливъ условій вопроса (status quaestionis); потому что въ противномъ случаѣ напрасно старались бы разрѣшить его окончательно: — правило умное и приложимое не только къ устнымъ словопреніямъ, но и ко всѣмъ почти печатаемымъ теоріямъ. Теорію науки конечно нельзя почитать поприщемъ для состязанія уче-

ныхъ, а еще менѣе идетъ къ ней необходимая притомъ разговорная форма; однако жъ надобно замѣтить, что вмѣсто лицъ, она вводитъ въ борьбу по крайней мѣрѣ мнѣнія, понятія, идеи, и диктаторски располагаетъ ихъ паденіемъ, побѣдами, судьбою. Спросите же у писателя, на чемъ онъ основываетъ власть свою одобрять и охуждать, почему онъ принялъ сторону нѣкоторыхъ истинъ и защищаетъ ихъ всѣми силами ума своего, а другія о томъ же предметѣ призналъ враждебными себѣ и преслѣдуетъ ихъ всѣми способами діалектики; спросите, и вы поставите его въ необходимость отъ даннаго заключенія идти назадъ къ началамъ и наконецъ опредѣлить вамъ, какъ онъ понимаетъ главныя условія своей науки, или основныя задачи ея; то есть, онъ долженъ будетъ изложить введеніе въ свою теорію. Всякій другой отвѣтъ писателя на вашъ вопросъ былъ бы шатокъ, неудовлетворителенъ и несообразенъ съ систематическою отчетливостію развитаго имъ наукословнаго цѣлаго.

Эти общія замѣчанія о введеніи въ теорію, кажется, уже достаточно объясняютъ причину, по которой мы пишемъ его, и полагаемъ въ основаніе курса философскихъ наукъ. Въ вину намъ могутъ поставить развѣ то, для чего оно у насъ не короче и составляетъ отдѣльную книгу. Но противъ сего обвиненія не трудно выставить такіе защитительные пункты, которые съ одной стороны оправдаютъ насъ, а съ другой послужатъ но-

выми доказательствами важности введенія въ области философскихъ изслѣдованій.

1) Извѣстно, что все, относящееся къ организаціи Философіи, какъ науки, издревлѣ было предметомъ споровъ и несогласій. Нельзя указать ни на одинъ моментъ ея, съ которымъ философы соединяли бы одинакое значеніе. Условія и нѣкоторыхъ частныхъ отраслей знанія конечно могутъ быть понимаемы различно, но не всѣ и не всегда. Никто на примѣръ не сомнѣвается въ томъ, что предметъ исторіи есть жизнь человѣчества, и историки иногда разногласятъ только во взглядѣ на свою науку и въ методѣ ея изложенія. Но Философія — совсѣмъ другое дѣло: въ ней и взглядъ, и предметъ, и метода, и начала, и цѣли — все раздроблено на мнѣнія, обставлено противорѣчущими понятіями и сдѣлалось добычею преній. Вообразите же, сколько нужно философу предварительныхъ опредѣленій, объясненій, оговорокъ, ограниченій по отношенію ко всѣмъ моментамъ своей системы, чтобы не допустить въ нее элементовъ чуждыхъ, устранить ее отъ вліянія взглядовъ инородныхъ, провесть безбѣдно между сциллою и харибдою одностороннихъ умствованій. Онъ долженъ предвидѣть и предупредить всѣ столкновенія истинъ, приготовить точку опоры на случай всѣхъ возможныхъ возраженій, положить основанія для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ область философскаго изслѣдованія. Сообразивъ это, скорѣе можно почитать введенія въ Филосо-

фію вообще краткими и недостаточными, чѣмъ обвинять ихъ въ длиннотѣ и излишествѣ.

2. Впрочемъ отсюда еще не видно, почему бы онѣ должны были составлять особую книгу и выходить въ свѣтъ отдѣльно отъ своей системы. Для сего нужно другое основаніе, — и мы укажемъ его. Въ наше время, болѣе нежели когда нибудь, мыслители разошлись въ понятіяхъ объ основныхъ моментахъ Философіи, — и это можетъ имѣть чрезвычайно вредныя слѣдствія какъ для жизни, такъ и для науки. Жизнь, развивающаяся подъ вліяніемъ безчисленнаго множества частныхъ взглядовъ и правилъ, натурально раздѣляетъ людей сперва какъ будто на философскія касты, изъ которыхъ каждая держится своего образа мыслей и дѣйствій, — потомъ на содружества, въ которыхъ уже теряется единство школы и, вмѣсто началъ ея, полагаются въ основаніе нравственной и умственной дѣятельности привычка, наклонность, — наконецъ на лица, непризнающія ничего общаго и дѣйствующія независимо, самостоятельно, по направленію собственныхъ помысловъ, эгоистически. Такъ можетъ объединяться жизнь отъ раздробленія философскихъ взглядовъ! Но раздробленіе ихъ въ жизни по-крайней-мѣрѣ — не исключительная пища эгоизма; а на науку оно дѣйствуетъ исключительно и тѣмъ гибельнѣе. Одинъ человѣкъ и съ умомъ геніальнымъ не въ состояніи развить свою идею въ надлежащей полнотѣ ея. Онъ дастъ новое направленіе Философіи, сообщитъ ей

особенный характеръ, обрадуетъ душу надеждою открытія многихъ тайнъ ея, заставитъ полюбить ее подъ другими условіями развитія, посвятить ей всѣ лучшіе часы жизни, — и только; а объяснить ея начала, разработать ея рудники, вынесть на свѣтъ ея богатства — дѣло школы, совокупныхъ усилій и долгаго времени. И такъ можно ли ожидать какихъ нибудь плодовъ отъ нашей науки тамъ, гдѣ она становится достояніемъ не школъ, а лицъ, гдѣ она дробится по числу недѣлимыхъ и у каждаго изъ нихъ имѣетъ свой частный характеръ, гдѣ всѣ начинаютъ и никто не оканчиваетъ, гдѣ умы и самые посредственные хотятъ быть оригинальными, пролагать свои собственныя стези къ истинѣ? — Плодомъ такого раздробленія взглядовъ необходимо должны быть мѣлкость, тщедушіе, ослабленіе и упадокъ Философіи. Попробуйтесь въ лѣсу сойти съ большой дороги на тропинку: сперва она будетъ ясно указывать вамъ направленіе, потомъ поведетъ васъ разными излучинами, начнетъ пресѣкаться другими безчисленными тропинками, теряться между кустарниками, тундрами и пригорками, наконецъ станетъ постепенно умаляться, лишаться своего оттѣнка, сливаться съ зеленью, — и вотъ вы одни, безъ надежды достигнуть цѣли, или найти прежній путь, бесѣдуете съ деревами и дикими животными, подобно древнему Софисту, бесѣдовавшему съ своими понятіями и не знавшему другой истины, кромѣ собственнаго

взгляда на вещи. Такова судьба Философіи, когда она раздробляетъ хорошо пробитую дорогу на безчисленное множество тропинокъ! Конецъ ея — отчаяніе, скептицизмъ, невѣріе. — Но съ другой стороны нельзя же требовать отъ Философіи и совершенной положительности: никакое ученіе ея не можетъ и не должно превращаться въ догматъ; философскій догматъ есть ядъ, приводящій въ оцѣпененіе умъ, убивающій его силы, мертвящій его дѣятельность. Предпишите намъ самую лучшую теорію Философіи, раскрытую систематически въ книгѣ, прикажите изучать ее буквально, и вѣровать въ каждую мысль ея, не позволяйте дальнѣйшаго ея развитія и поправокъ, прикуйте наше мышленіе къ опредѣленной формѣ науки, къ извѣстному ея обьему, къ такимъ или другимъ ея положеніямъ, — вы произнесете Философіи смертный приговоръ, уничтожите ея бытіе и вмѣстѣ съ тѣмъ обезсилите всю область наукословія. Между этими крайностями безконечнаго дробленія и строгаго догматизма Философіи всего лучше золотая средина — введеніе. Опредѣляя значеніе главныхъ моментовъ науки, оно ясно показываетъ, съ чѣмъ умъ долженъ имѣть дѣло, какое принять направленіе, къ чему стремиться и какихъ ожидать результатовъ. Чрезъ это устраняется всякая возможность потерять изъ виду общій путь движенія къ цѣли. Между тѣмъ введеніе ни сколько не препятствуетъ разработывать предметъ въ томъ или другомъ отношеніи, вставлять его въ большую

или меньшую раму, сообщать ему кратчайшее или должайшее развитіе. Умъ можетъ избрать себѣ любую струю на этомъ потокѣ идеи, расширять или суживать ее произвольно и назначить, въ какой угодно точкѣ, предѣлъ своего плаванія. Система есть или символическая книга секты, или нравственная физіогномія лица; а введеніе въ систему есть только знамя школы: идите главною дорогою или боковыми тропинками, гдѣ и какъ хотите, только не теряйте его изъ виду, — и вы не уклонитесь отъ общаго направленія. Вотъ причины, по которымъ введеніе въ Философію должно быть излагаемо съ возможною подробностію и въ особой книгѣ.

Но показавъ необходимость и важность введенія въ Философію, мы уже отчасти показали и тѣ точки, которыми хотимъ опредѣлить его содержаніе и порядокъ. Что касается до содержанія, то всякое введеніе въ нашу науку трактуетъ различнымъ образомъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; потому что главные моменты Философіи всегда и вездѣ одинаковы, хотя и не одинаково понимаются. Въ этомъ отношеніи разница между введеніями ограничивается только тѣмъ, что въ одномъ изъ нихъ говорится объ извѣстномъ моментѣ болѣе, нежели въ другомъ, — кажется, смотря потому, гдѣ Философъ чувствуетъ себя слабѣе (1). Но порядокъ и вообще форма во всѣхъ

(1) Иногда въ введеніяхъ усильно доказываютъ достоинство ума

введеніяхъ до крайности различны, — и это различіе происходитъ по видимому отъ того, что многіе не въ томъ, въ чемъ должно, видятъ худую сторону методы схоластической и неправильно понимаютъ значеніе введенія. Презирая схоластику, они какъ будто стыдятся излагать отдѣлы своего введенія подъ тѣми рубриками, подъ которыми излагали его въ XV и XVI вѣкахъ. Имъ кажется лучше разбить задачи науки на множество частныхъ вопросовъ, и перемѣшать ихъ такъ, чтобъ читатель не узналъ, что къ чему относится. Еще хуже поступаетъ тотъ, который, забывъ, что введеніе назначается для возможнаго проясненія коренныхъ условій Философіи, какъ будто нарочно старается, чтобъ ни укого не достало терпѣнія прочитать и — понятливости выразумѣть его книгу. Мы чрезвычайно боимся этихъ злоупотребленій въ изложеніи и планѣ и, направляя всю свою заботливость къ тому, чтобы наше введеніе было ясно, отчетливо и въ порядкѣ, не пренебрегаемъ на этотъ разъ пріемами схоластическими и будемъ говорить 1) о предметѣ Философіи, 2) о ея методѣ и 3) началѣ, изъ котораго должна быть развита наша система; потомъ

въ дѣлѣ познанія, непререкаемость философской истины, возможность перехожденія предположеній въ рядъ дѣйствительныхъ истинъ и проч. т. п.: но я не понимаю, на чемъ бы можно было основать разсужденія о явленіяхъ психическихъ, прежде нежели раскрыта будетъ теорія Психологіи.

4) этими элементами опредѣлимъ свою науку, — 5) укажемъ ея цѣль и 6) пользу, а наконецъ 7) изложимъ чертежъ системы философскихъ наукъ. Основанія, по которымъ моменты введенія мы поставляемъ въ такой, а не другой порядокъ, откроются при самомъ изслѣдованіи ихъ.

I.

ПРЕДМЕТЪ ФИЛОСОФІИ.

Философія обязана своимъ именемъ, говорятъ (1), Пиѳагору; но ея бытіе восходитъ выше и теряется въ первыхъ попыткахъ человѣческаго духа изслѣдовать природу вещей. Не бывъ еще Философіею по имени, она уже была Философіею по своему предмету, и называлась мудростію (σοφία). Въ этомъ отношеніи мудрость Конфуція, Солона и Ѳалеса — тоже, что Философія Пиѳагора, Платона и Канта. Но древніе мудрецы были естество-

---

(1) *Diog. L.* 1, 12. *Cicer.* quaest. Tusc. V, 3. Впрочемъ нѣкоторые полагаютъ, что первый, отвергнувшій имя мудреца и назвавшійся философомъ, былъ Сократъ; онъ сказалъ: Τὸ μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμοιγε μέγα εἶναι δοκεῖ, καὶ θεῷ μόνῳ πρέπειν· τὸ δὲ φιλόσοφον, ἢ τοιοῦτον τι μᾶλλόν τε ἂν ἁρμόττει καὶ ἐμμελεςέρως ἔχει. *Plat.* Phaedr. 278. D.

испытатели и астрономы, законовѣдцы и политики, богословы и правоучители, филологи и ораторы, поэты и математики: они занимались всѣмъ, изучали все, и всѣ свои познанія соединяли въ одномъ общемъ понятіи мудрости. Отсюда видно, что древніе подъ словомъ «мудрость» разумѣли почти то же, что мы разумѣемъ подъ именемъ «учености» (1) а потому и быть философомъ

---

(1) Мудрецами въ древности называли 1) тѣхъ мужей, которые отличались особенною силою здраваго разсудка, и ничему не учившись, произносили вѣрныя сужденія о предметахъ нравственной и практической жизни. Къ этому классу можно отнесть семь Греческихъ мудрецовъ, о которыхъ — не вовсе справедливо — сказалъ Граціанъ въ l'homme de cour: «il faut aujourd'hui plus de conditions pour faire un sage, qu'il n'en fallut anciennement pour en faire sept.» 2 Знахарей, или вѣщихъ, что у Нѣмцевъ «weiser Mann» (*Adelung* Wörterb. v. weise), знакомыхъ съ предметами сверхъестественными: такъ, въ Эврипидовой Медеѣ волшебницы называются *σοφαί*. 3) Поэтовъ, особенно Омира и Исіода (*Plat.* Lysis). 4) Великихъ учителей краснорѣчія и софистовъ (*Winkelmann*, Th. V, 236. IV. 29. *Meyer* Gesch. der Kunst. Abth. 1. 5, 58). 5) Главныхъ ваятелей, особенно Фидіаса и Поликлета; даже опытныхъ домоправителей, ремесленниковъ (*Hom.* Il. XV, 412. *Plat.* Theag. Prot. *Diog. L.* III, 63) и наконецъ поваровъ (Платонъ въ Менонѣ приводитъ *σοφὸν μάγειρον*). Впрочемъ и въ наше время Parfumerie названа als aine Musik des Dufts (*Görres* Aphor.), Baukunst — als eine gefrorne Musik. А что подъ словомъ «мудрость» древніе дѣйствительно разумѣли вообще ученость, объ этомъ говоритъ ясно Платонъ: *τό γε φιλόσοφον καὶ φιλομαθὲς ταυτόν.* de Rep. II. 376. B. *Wittenb.* ad. Phaedon. p. 217. *Τὸν δὲ δὴ εὐχερῶς ἐθέλοντα παντὸς μαθήματος γεύεσθαι, καὶ ἀσμένως ἐπὶ τὸ μανθάνειν ἰόντα,*

значило — посвятить жизнь свою наукамъ и изслѣдовать природу вообще. Отсюда надлежало бы также заключить, что предметъ Философіи составляютъ предметы всѣхъ наукъ, что всѣ науки суть ея отрасли, ея семейство: но обратимъ вниманіе на слѣдующую, исторически несомнѣнную истину.

Въ ту эпоху древности, о которой мы говоримъ, еще не было отдѣльныхъ наукъ: тогда вся область наукословія, подобно Анаксагорову міру, представлялась чѣмъ-то однимъ, безразличнымъ, какою-то неорганическою массою безчисленныхъ оміомерііі знанія; тогда всѣ эти элементы сосредоточивались въ умѣ мудреца безъ разбора, безъ классификаціи; онъ носилъ развивалъ, оживотворялъ ихъ, не замѣчая ихъ разнородности, любя ихъ равно, какъ родные плоды своей мысли. Въ этомъ отношеніи Философія, смѣнившая древнюю мудрость, была матерію всѣхъ наукъ (1): она носила ихъ въ своемъ нѣдрѣ, какъ сѣмена будущаго поколѣнія знаній, воспитывала ихъ своимъ умомъ и воодушевляла ихъ своими идеями. Но когда эти сѣмена знанія въ нѣдрѣ Философіи мало-

---

καὶ ἀπλήστως ἔχοντα, τοῦτον δ'ἐν δίκῃ φήσομεν φιλόσοφον. de Rep. V, 475. C.

(1) *Cicer.* de orat. I, 3. Neque enim te fugit, artium omnium laudatarum procreatricem quamdam et quasi parentem eam, quam *φιλοσοφίαν* Graeci vocant, ab hominibus doctissimis judicari.

по-малу развились и возрасли до степени особыхъ наукъ, какъ частные органы, или цѣлые организмы; то заняли отдѣльныя сферы жизни, утвердились на свойственныхъ себѣ почвахъ и начали существованіе самостоятельное, независимое отъ Философіи. (1). Кому нужны какъ бы осязательныя доказательства этой истины; тотъ найдетъ ихъ въ исторіи каждаго ученія, носящаго характеръ свободной мысли. Всякая отрасль знанія приведетъ своего изслѣдователя въ область древней Философіи, или мудрости: Поэзія—къ Орфею, Музею и Лину,—древнѣйшимъ правоучителямъ и космогонистамъ; Бытописаніе—къ Ферскиду, ѳеогонисту и философу; Математика и Астрономія—къ Пиѳагору, Египетскимъ жрецамъ и Персидскимъ магамъ; наука Краснорѣчія—къ Софистамъ; Естествословіе—къ школамъ Іонійскихъ философовъ, и т. д. (2). Внимательный наблюдатель найдетъ въ жизни всякой науки и ту эпоху, въ которую она получила частную организацію, и начала бытіе самостоятельное.

---

(1) Ученая критика умственныхъ явленій, по аналогіи съ возрастами животныхъ и человѣка, называетъ это «обособленіемъ науки» или переходомъ ея «въ состояніе самосознанія».

(2) Cicer. de Fin. V, 3. Ab his (philosophis) oratores, ab his imperatores ac rerum publicarum principes extiterunt: ut ad minora veniam, mathematici, poëtae, musici, medici denique *ex hac tanquam ex omnium artium officina* profecti sunt. *Страбонъ* въ предисловіи къ своей Географіи говоритъ, что и Географія обязана своимъ бытіемъ также Философіи.

Но по той мѣрѣ, какъ область наукословія, принадлежавшая, по своимъ элементамъ, древней мудрости или Философіи, постоянно размежевывалась на отдѣльные участки и раздѣлялась между приходившими въ сознаніе науками, — сфера Философіи, по видимому, все болѣе стѣснялась и предметы ея изслѣдованій умалялись въ своемъ объемѣ и количествѣ. Изъ ея области выступило во первыхъ все, что сначала бывъ плодомъ умозрѣній, впослѣдствіи, по мѣрѣ распространенія наблюденій, получило значеніе истинъ частныхъ и опытныхъ; какъ-то, понятія о фигурѣ земли, о движеніи небесныхъ тѣлъ, о солнечномъ и лунномъ затмѣніяхъ, о миѳахъ языческой религіи и т. п. (1): во вторыхъ все, что прежде безсознательно стремилось къ общей цѣли мудрости, а потомъ приложено было къ пользамъ жизни практической и направлено къ цѣлямъ частнымъ; какъ-то, Грамматика, Риторика, Медицина, Математика, и проч. Такимъ образомъ содержаніе Философіи, на пр. Платоновой, ограничивалось уже только Логикою, или Діалектикою, Ѳеикою, Физикою и Политикою, принимаемыми въ обширномъ смыслѣ (2). Но и эти науки не на всегда

---

(1) Примѣръ такого обособленія частныхъ мнѣній можно видѣть въ Платоновомъ Федрѣ, p. 230.

(2) Впрочемъ надобно замѣтить, что и этихъ наукъ Платонъ не представлялъ отдѣльными частями Философіи и едва ли каждой изъ нихъ, даже въ идеѣ, давалъ особенную органи-

оставались въ области Философіи. Аристотель, нашедши и опредѣливши формы человѣческаго мышленія, далъ самосознательное бытіе Логикѣ; такъ что послѣ того ей не только въ средніе вѣка, но и въ наше время приписываемо было достоинство ученія пропедевтическаго по отношенію ко всѣмъ наукамъ и доступнаго для умовъ самыхъ юныхъ. Потомъ Философы XVII и XVIII столѣтій, стараясь основать мораль на зыбкихъ началахъ опыта, обособили Нѳику; и она, какъ слѣпой вождь слѣпыхъ, заблуждала и приводила въ заблужденіе — до тѣхъ поръ, пока благонамѣренные умы не вывели заключенія, что предписывать человѣку правила нравственной жизни и дѣятельности можетъ и должна одна Религія. Наконецъ нашему вѣку предоставлено было даровать независимое отъ Философіи бытіе и наукамъ физическимъ. Уже Ньютонъ, соединявшій впрочемъ Физику съ Философіей (1), часто говаривалъ: «Физика! берегись Метафизики!»—и такимъ образомъ началъ поселять недовѣрчивость между сими науками. Но къ рѣшительному и самосознательному отдѣленію Естествословія отъ наукъ философскихъ особенно способствовалъ Шеллингъ, возбудившій

зацію. Ихъ различаетъ въ сочиненіяхъ Платона уже позднѣйшая критика. Смотр. *Риттера* исторію Древ. Фил. Т. 1. стр. 149. рус. перев.

(1) Главное его сочиненіе озаглавливается такъ: Philosophiae naturalis principia mathematica. Lond. 1687.

своимъ ученіемъ живое стремленіе къ изслѣдованію законовъ и явленій природы (1). Съ этого времени Естествословіе развилось во множествѣ частныхъ отраслей и въ полстолѣтія произвело неимовѣрные успѣхи на своемъ поприщѣ. Что же касается до Политики; то по шаткости своихъ началъ и неопредѣленности выводимыхъ ею формъ общественной жизни, она давно уже изгнана изъ области свободнаго мышленія и подчинена условіямъ гражданскихъ обществъ.

И такъ возрастивъ всѣ науки и раздавъ имъ предметы для независимой дѣятельности, Философія, по видимому, не удержала ничего за собою. Можно подумать, что теперь она, не имѣя собственнаго поприща, является то въ той, то въ другой сферѣ наукословія, non jam dominae, sed hospitis instar, которой оказываютъ должное уваженіе, но не имѣютъ въ ней необходимости (2). Это уваженіе простирается иногда столь далеко, что переходитъ за черту серьіознаго, превращается въ

---

(1) См. *Krugs* allg. Handwörterb. d. Phil. Wissensch. Art. Naturwissensch.

(2) Es war eine Zeit, in welcher sie (Philosophie) die Königinn aller Wissenschaften genannt wurde, und sie verdiente wegen der Wichtigkeit ihres Gegenstandes allerdings diesen Ehrennamen. Ietzt bringt es der Modeton des Zeitalters so mit sich, ihr alle Verachtung zu beweisen, und die Matrone klagt, verstossen und verlassen wie Hecuba: «modo maxima rerum, tot generibus natisque potens nunc trahor exul, inops. *Ovid.* metam. *Kant.* Vorr. zur Kr. d. r. V.

иронію, или дѣлается пародіею истинной Философіи. Мы уже не говоримъ, что нынѣ есть Философія Исторіи, Философія Химіи, философская система Математики, Метафизика финансовъ, Метафизика гражданскаго судопроизводства, и проч.: (1): въ Парижѣ издаваемы были «историческіе и философскіе трактаты» о самихъ не-философскихъ предметахъ моды и роскоши (2). По этому хорошо замѣтилъ Шеллингъ (3), что новѣйшіе не только свели Философію съ неба, какъ Сократъ, но стараются заманить ее въ погреба и стойла. Вообще Философія — очень употребительное слово въ языкѣ нашихъ обществъ, вѣроятно потому, что оно какъ будто придаетъ значеніе и рѣчи и личности говорящаго (4). Но весьма вѣроятно, что чѣмъ чаще употребляютъ его, тѣмъ менѣе понимаютъ; по крайней мѣрѣ объ немъ можно сказать тоже, что Августинъ сказалъ о времени: si nemo ex me quaerat, quid sit tempus, scio; si quaerenti explicare velim, nescio.

Въ самомъ дѣлѣ, слово «Философія» тогда только было бы понятно, когда бы въ немъ,

---

(1) Въ средніе вѣка алхимистъ назывался philosohus per ignem; а позднѣе, адептъ тайнаго общества philosophus per initiationem.

(2) Europ. Blätter 1824. Febr. S. 194.

(3) Ueber d. Methode d. acad. Studium, S. 40.

(4) Gewöhnlich glaubt der Mensch wenn er nur Worte hört,
Es müsse sich dabey noch auch wäs *denken* lassen.
Omne ignotum pro magnifico est. *Tacit.* vit. Agr. c. 30.

какъ въ наименованіяхъ прочихъ наукъ, виденъ былъ самый предметъ изслѣдованій. Довольно и одного этимологическаго значенія, чтобы понять, что Грамматика разсуждаетъ объ элементахъ языка, Риторика — о формахъ человѣческаго слова, Физика — о природѣ, Богословіе — о Богѣ и т. д. Но какое вытекаетъ понятіе о предметѣ Философіи изъ этимологіи ея названія? Извѣстно, что φιλοσοφία есть любовь къ мудрости: но любовь и мудрость суть явленія, сами по себѣ неопредѣлимыя. Изъясняя смыслъ ихъ исторически, — потому что иначе изъяснить его пока еще не возможно, — мы придемъ къ прежнему результату, что Философія есть любительница наукъ, посредствомъ ихъ раскрывающая природу вообще, а потому должна искать своего предмета на различныхъ поприщахъ наукословія. Но при нынѣшнемъ эгоистическомъ обособленіи знаній, какая наука уступитъ Философіи честь успѣховъ въ своихъ предѣлахъ? Каждая изъ нихъ философствуетъ, сколько и какъ ей угодно: но когда говорится о какихъ нибудь плодахъ наукословія; то ученые обыкновенно приписываютъ эти плоды усиліямъ частныхъ наукъ, а не Философіи. Философія въ такомъ случаѣ, какъ Сократовъ геній, представляется дѣятелемъ служебнымъ, сокрытымъ глубоко, почти за чертою самосознанія, въ умѣ изслѣдователя природы.

И такъ ни исторія, ни этимологія нашей науки не опредѣляютъ ея предмета, независимо

отъ прочихъ отраслей знанія. Посему, когда дѣло идетъ о Философіи, какъ о наукѣ отдѣльной, самостоятельной; то философы не рѣдко оставляютъ ея имя, а не-философы возстаютъ противъ дѣйствительности ея содержанія. Фихте (1) и другіе Германскіе мыслители, не находя въ названіи Философіи ни какого понятія о ея предметѣ, старались не предметъ выводить изъ имени, а имя пріискивать къ предмету, или названіями своихъ системъ выражали только методу и характеръ ученія, а потому слово «Философія» замѣняли словами «Wissenschaftslehre», «System des transcendentalen Idealismus», «Realidealismus» и проч. (2). Такимъ образомъ содержаніе Философіи сдѣлалось еще неопредѣленнѣе, и повидимому зависѣло только отъ частнаго направленія умовъ. Такая шаткость ея въ коренныхъ условіяхъ науки натурально не нравилась тѣмъ, которые подъ именемъ философскаго думали видѣть что-то положительное, данное, и потому почитали Философію наукою пустою, суетною, которая о всемъ разсуждаетъ и ничего опредѣленно не рѣшаетъ (3).

---

(1) Ueber d. Begriff. d. Wissenschaftslehre *S.* 17. 18. *Schelling* philos. Schrift. 1. 510. *Siegwart* Handb. d. theoret. Philos. S. 4. *Fr. H. Jacobi* Werke. Theil II, S. 101.

(2) Впрочемъ еще у Римлянъ, *Квинтиліанъ* (instit. orat. proëm.) называлъ слово «Философія» insolentissimum; *Сенека* (Epist. 5) — invidiosum; а *Эпиктетъ* (Enchir. c. 68) совѣтовалъ своимъ ученикамъ никогда не называться философами.

(3) Лактанцій (instit. divin. III, 2.) говоритъ: quam inanis et

Столь унизительныя мнѣнія о Философіи, основывающіяся дѣйствительно на невыразительности ея названія, и на томъ, что исторія не указываетъ опредѣленно на предметъ ея, сообщаютъ еще болѣе интереса предположенной задачѣ: что именно должно быть содержаніемъ Философіи? А потому мы снова обращаемся къ рѣшенію ея, и для сей цѣли имѣемъ въ виду два важныхъ основанія.

1) Когда въ Греціи различныя науки приходили въ сознаніе и, быстро обособляясь, отступали отъ всеобщихъ законовъ умственной жизни и облекались въ мертвыя произвольныя формы топики; то Платонъ старался внушать ихъ предподавателямъ, что дѣти, дѣйствуя самосознательно, тѣмъ не менѣе должны оживляться духомъ своей матери, что истинная наука должна основываться на Философіи, а истинная Философія — состоять въ самопознаніи (1). Этотъ новый предметъ философскихъ изслѣдованій, указываемый Платономъ, это славное γνῶθι σεαυ

falsa sit philosophia, ordiamur a communi philosophiae nomine, ut ipso capite destructo, facilior nobis aditus pateat ad excidendun omne corpus. Unde probem magis philosophiam non esse sapientiam, quam ex ipsius nomine. Еще сильнѣе преслѣдуетъ ее Тертулліанъ, называя философовъ famae negotiatores, verborum operatores, rerum destructores, erroris amicos, veritatis interpollatores et furatores etc. Apol. c. 46.

(1) Эта мысль повторяется во многихъ разговорахъ Платона. Впрочемъ, чтобы найти для нее твердое основаніе, довольно прочитать Іона и конецъ Федра.

τόν (1), послѣ долговременнаго и малоуспѣшнаго разсматриванія природы обьективной въ школахъ Іонійской, Элейской и Дорійской, зародилось, какъ неизвѣстное дотолѣ сѣмя мудрости (2), первоначально въ умѣ Сократа (3), пало на плодоносную почву Греческой мыслительности, развивалось многіе вѣка, глубоко пустило свои корни въ основанія всѣхъ наукъ и наконецъ со времен Вольфа (4), образовалось въ особенное философское ученіе, извѣстное у насъ подъ именемъ Психологіи, или общѣе — Антропологіи. Замѣчательно, что между тѣмъ какъ прочія науки, составлявшія въ древности курсъ Философіи, мало по малу выступали и развивались самостоятельно, наука самопознанія постоянно дѣйствовала въ сферѣ философскихъ изысканій и почти всегда служила для нихъ основаніемъ (5). Иначе и быть не могло. Вникая въ

---

(1) На это основаніе своего ученія Платонъ указываетъ въ Федрѣ p. 229. Филебѣ p. 284. Алкивіадѣ I, p. 33. 65. seq. Хармидѣ p. 170. Миносѣ p. 142. Республикѣ IV, p. 372.

(2) По тому-то говорили, что оно сведено съ неба, божественное.

(3) Xenoph. memor.

(4) Книгу о душѣ написалъ еще Аристотель: но его сочиненіе приличнѣе почитать исторіею (ἱστορία) души, или одною частію исторіи природы.

(5) Нѣкоторые Германскіе философы разумѣли Психологію, какъ пропедевтику Философіи (см. Rheinhold. Lehrbuch d. philosophisch-propädeutischen Psychologie und formalen Logik): но въ этомъ случаѣ дѣло шло не вообще о наукѣ самопознанія, а только объ изслѣдованіи опытныхъ явленій психичес-

свойства и цѣль Сократова самопознанія, и сравнивая его съ прежнимъ образомъ философствованія, мы замѣчаемъ слѣдующій законъ историческаго развитія Философіи. До Сократа Философія стремилась отъ периферіи, образуемой внѣшнею природою, къ центру ея — человѣческому духу. Въ этомъ отношеніи умствованія развивались и, приходя въ сознаніе, какъ частныя науки, являлись въ душѣ отдѣльными, несогласимыми результатами знанія, потому что имъ не доставало необходимыхъ условій единства, скрывавшихся во глубинѣ человѣческаго духа. Онѣ не могли сродниться ни сами съ собою, ни со всеобщимъ закономъ бытія, коего созерцатель — человѣкъ — не былъ еще изслѣдываемъ, а потому распадались, какъ Левкипповы атомы, и каждый мыслитель смотрѣлся, какъ въ зеркало, въ свою частную идею, почиталъ ее показателемъ истины. Съ этой точки крайняго раздробленія знаній, при самомъ входѣ ихъ въ субъективный міръ всеобщаго единства, открываетъ свое поприще Сократова Философія самопознанія и идетъ новымъ путемъ по направленію отъ центра къ периферіи, то есть, отъ познанія человѣка и существенныхъ его потребностей къ познанію природы вообще. Этимъ путемъ Со-

---

ской жизни. Впрочемъ Психологія и въ послѣднемъ значеніи не можетъ не быть наукою философскою, потому что въ ней необходимо должны излагаться основанія Философіи, слѣдственно существенный элементъ ея.

кратъ и Платонъ старались соединить всѣ науки въ одно гармоническое цѣлое и основать ихъ на самопознаніи, или Философіи, то есть, возвесть Философію, какъ въ прошедшемъ столѣтіи сдѣлалъ Фихте, на степень науки наукъ (1), и чрезъ то возвратить ей права, отнятыя у ней эгоистическимъ обособленіемъ знаній. Такимъ образомъ наука самопознанія, по вѣрному взгляду Сократа и Платона, не можетъ выйти изъ сферы наукъ философскихъ, не уничтоживъ существа самой Философіи, и не разрушивъ системы всѣхъ человѣческихъ знаній.

2) Весьма справедливо, что въ природѣ нѣтъ ни одного вида вещей, изслѣдованіе коего не входило бы въ область какой нибудь науки; такъ что Философія не найдетъ себѣ здѣсь частнаго и исключительнаго поприща. Но должно замѣтить, что каждая наука разсматриваетъ извѣстную сторону предметовъ, не зависимо отъ другихъ сторонъ бытія ихъ, а еще въ меньшей зависимости отъ цѣлаго; такъ что, при соображеніи наукословныхъ пособій для развитія какой нибудь отрасли знанія, иногда сомнѣваются, нужна ли ей помощь другой науки. Явно, что столь рѣзкое отдѣленіе сферъ наукословія можетъ имѣть мѣсто только въ мірѣ явленій, гдѣ всякій предметъ обнаруживаетъ свою частную жизнь и носитъ свою частную организацію. Слѣдовательно всѣ науки

---

(1) *Fichte* über d Begriff d. Wissenschaftslehre, S. 10.

разсматриваютъ явленія (1). Но при такомъ, конечно, необходимомъ состояніи ихъ, и думать нельзя о приведеніи наукословія въ одно стройное цѣлое, соотвѣтствующее единству природы. Слабое стремленіе къ сему мы усматриваемъ въ такъ называемыхъ философскихъ обработкахъ отдѣльныхъ отраслей знанія: но оно никогда не можетъ достигать своего назначенія, потому что направляется болѣе къ частному, нежели къ общему, по крайней мѣрѣ общій взглядъ подчиняетъ частной цѣли (2). Между тѣмъ всѣ науки, равно какъ и всѣ виды феноменальной жизни, изслѣдованіемъ которыхъ онѣ занимаются, должны составлять одну великую систему и быть единичнымъ выраженіемъ природы. Это требованіе столь же законно, сколь вѣрно положеніе, что природа — одна, что всякое частное явленіе есть опредѣленный результатъ общаго, неявляемаго, что нѣчто, по естественному порядку вещей, изъ ничего не бываетъ. Притомъ кому неизвѣстно, сколь часто однѣ обособившіяся науки, по недостатку фи-

(1) Какъ скоро наука обособилась, то можно смѣло заключить, что она дѣйствуетъ въ области опыта, и на оборотъ: перешедши въ область опыта, она необходимо должна обособиться. Для повѣрки этой истины стоитъ только замѣтить, какимъ богатымъ разсадникомъ наукъ была эмпирія Перипатетиковъ.

(2) Для примѣра, можно указать на теорію Окена. Что она въ области Физики, какъ не гипотетическое построеніе для изъясненія явленій природы? Но въ истинной наукѣ не должно быть мѣста гипотезамъ.

лософской связи между ними, противорѣчатъ другимъ и завистливо ниспровергаютъ плоды трудовъ ихъ (1)? Сколь часто эти противорѣчія пораждаютъ въ человѣческомъ духѣ мрачный скептицизмъ и распространяютъ гибельное вліяніе даже на нравственно-религіозную сторону человѣческой жизни (2)? Столь враждебное отношеніе опытныхъ наукъ одной къ другой и всѣхъ вообще — къ практикѣ зависитъ между прочимъ отъ неопредѣленности ихъ началъ, которыя обыкновенно бываютъ вѣрны только по формѣ, а матерія ихъ — темная сторона знанія, terra ignota! (3).

Разсматривая съ этой точки зрѣнія всю область наукословія, мы открываемъ въ ней новое, важнѣйшее и обширнѣйшее поприще для умственной

(1) Можно вообразить, какое непріязненное столкновеніе должно быть напр. между атомистическою Физикою и динамическою Физіологіею, между новѣйшимъ историческимъ оріентализмомъ и христіанскимъ Богословіемъ, между нынѣшнею теоріею Геологіи и Моисеевымъ бытописаніемъ, и проч., особенно, когда эти ученія передаются однимъ и тѣмъ же слушателямъ. Бѣдные слушатели! въ головахъ ихъ

— — Chaos, rudis indigestaque moles
Nec quicquam, nisi pondus iners, congestaque eodem
Non bene junctarum discordia semina rerum.

(2) Замѣчательно, что и Философія получала характеръ индифферентизма и деизма — именно тогда, когда низходила въ область опыта, и блуждала объ-руку съ частными науками. Такова была она въ эпохи Перипатетиковъ, Французскихъ энциклопедистовъ и Англійскихъ правоучителей.

(3) Таковы напр. начала: «есть матерія, одаренная извѣстными силами», или: «есть силы въ природѣ.»

дѣятельности, — такое поприще, на которомъ умъ долженъ сблизить, соединить всѣ науки въ одно цѣлое, или что тоже, изслѣдовать природу не въ частныхъ видахъ явленій, а въ цѣломъ, какъ одно бытіе, полное разнообразной жизни и дѣятельности. На этомъ поприщѣ начала и результаты отдѣльныхъ изслѣдованій должны быть только матеріалами, которые надобно согласить однѣ съ другими и создать изъ нихъ стройную систему. По этому здѣсь не можетъ быть мѣста недѣлимымъ, а только ихъ связямъ: будучи сравниваемы между собою, онѣ воспроизводятся, то есть, сохраняя свое содержаніе, получаютъ новую форму отношеній, соотвѣтствующую всеобщей жизни природы. Бытіе недѣлимыхъ въ сей области тѣмъ менѣе умѣстно, что воспроизведеніе ихъ здѣсь бываетъ не механическое, не химическое и не динамическое, а умственное, въ которомъ внѣшніе признаки предмета теряютъ свою важность (1). Но приводить частные результаты знанія, слѣдственно и частныя явленія природы къ общей истинѣ и общему бытію вещей, значитъ уже возвышаться надъ опытомъ, въ которомъ все обособлено, и вступить въ область *метафизическаго*. Область Метафизики, не смотря на то, что многіе,

(1) Люди, неимѣющіе понятія о существѣ Философіи, а только слыхавшіе, что она разсматриваетъ все *само въ себѣ*, иногда спрашиваютъ: что такое — та или другая вещь *сама въ себѣ*? На такой вопросъ нечего отвѣчать, кромѣ того, что частный предметъ самъ въ себѣ и самъ по себѣ существовать не можетъ.

по какому-то странному недоразумѣнію, почитаютъ ее страною вѣчнаго мрака и философскихъ грезъ, мы не признаемъ областію слишкомъ высокою и недоступною; потому что въ ней каждый человѣкъ проводитъ — по крайней мѣрѣ половину своей жизни. Кто, въ какой бы то ни было сферѣ, мыслитъ о вещахъ, то есть, соображаетъ взаимное отношеніе и связь ихъ: тотъ уже имѣетъ дѣло съ метафизическимъ; чувствамъ въ этомъ случаѣ дѣлать нечего; онѣ еще прежде окончили свою работу и передали свои впечатлѣнія разсудку.

Впрочемъ, чтобъ о метафизическомъ составить болѣе ясное и по возможности полное понятіе, мы должны разсмотрѣть его 1) въ отношеніи къ физическому и духовному; 2) въ отношеніи къ субъекту и объекту.

1) *Физическое*, по нашему мнѣнію, есть то, что какимъ бы образомъ само въ себѣ ни существовало, необходимо обнаруживаетъ свое бытіе внѣшнею, осязательною физіогноміею, и какъ явленіе, можетъ быть естественно или искуственно подведено — по крайней мѣрѣ подъ одинъ органъ пяти чувствъ. Отсюда съ понятіемъ о физическомъ неизбѣжно соединяются понятіе о матеріи, о предѣлѣ, о конечности, объ ограниченности, о недѣлимости и проч. Человѣкъ разсматриваетъ это многоразличіе физіогномій, знаетъ дерево какъ дерево, камень — какъ камень, воду — какъ воду и т. д. Но если бы онъ пересмотрѣлъ и всѣ вещи въ природѣ физической, если бы онъ и столь

же хорошо зналъ прошедшія, настоящія и будущія физіогноміи ихъ, какъ грамотей знаетъ фигуры буквъ алфавита; то и тогда, зная ихъ порознь, отдѣльно, безъ связи, безъ отношеній, онъ находился бы еще внѣ области Метафизики. Напротивъ *духовнымъ* мы почитаемъ то, что, по самому свойству своего бытія, то есть, по своей духовности, не можетъ и не имѣетъ нужды проявляться физически, или въ какихъ нибудь другихъ организаціямъ. Съ понятіемъ о духовномъ мы соединяемъ полноту высочайшихъ совершенствъ, отъ которыхъ нельзя ничего отнять, и къ которымъ нечего прибавить. Слѣдовательно духовному не свойственно, ни расти, ни умаляться, ни дробиться ни соединяться; оно не можетъ дѣлиться на бытіе и дѣятельность, на существованіе и познаніе, на ноуменъ и феноменъ, оно всегда одно, неизмѣнно, безтѣлесно, безформенно. По сему духовное философы справедливо называютъ абсолютнымъ, безусловнымъ, безконечнымъ и проч. Но ни одинъ философъ, разсуждая метафизически о духовномъ, не возносился до дѣйствительнаго созерцанія духовности и ни одна Метафизика не вводила въ область своихъ изслѣдованій истинно духовнаго; потому что это выше условій человѣческаго бытія и дѣятельности.

И такъ метафизическое не есть ни физическое, ни духовное. Изъ составленныхъ нами понятій о физическомъ и духовномъ видно, что оно выше перваго и ниже послѣдняго. Какимъ же образомъ опредѣлить его значеніе и найти его сферу. Физи-

ческое и духовное, по существу своему, взаимно противуположны и переходъ отъ одного къ другому, по видимому, вовсе невозможенъ. Но не смотря на то, опытъ показываетъ, что онѣ находятся во взаимной связи и выражаются въ общихъ обоимъ результатахъ. Первый, очевиднѣйшій результатъ взаимнаго ограниченія ихъ есть самъ человѣкъ, котораго нельзя конечно назвать ни физическимъ, ни духовнымъ, но въ которомъ, какъ единичное бытіе, отражается то и другое. Тоже должно сказать и о всякой собственно человѣческой дѣятельности: никто безъ сомнѣнія не признаетъ ее ни чисто физическою, потому что ея основаніе въ существѣ субъекта, ни чисто духовною, потому что она неразрывно соединена съ міромъ явленій; каждый однакожъ замѣтитъ, что въ мышленіи, чувствованіи, желаніяхъ и стремленіяхъ человѣка есть нѣчто изъ міра физическаго, охарактеризованное духовнымъ. Такимъ образомъ человѣкъ и всякая человѣческая дѣятельность образуютъ новую сферу жизни, посредствующую между противуположными областями физическаго и духовнаго, и развивающуюся изъ того и другаго. Отсюда видно, что̀ мы разумѣемъ подъ именемъ метафизическаго: не то, что доступно чувству, и не то, что есть духъ, но что входитъ въ область человѣческаго бытія и дѣятельности со стороны обоихъ началъ, и что, воспроизведшись въ новый рядъ существъ, является *сверхчувственнымъ*, и отражаетъ въ себѣ тѣ самыя начала, изъ которыхъ оно развилось.

2) Физическое и духовное, входя въ природу человѣка и его дѣятельности, тѣмъ не менѣе существуютъ объективно, сами по себѣ, независимо отъ своего участія въ человѣческомъ бытіи. Но существуя объективно, онѣ уже не могутъ не отличиться отъ самихъ себя въ томъ внутреннемъ сочетаніи, посредствомъ котораго составили нашу природу; потому что, будучи внутренно соединены въ насъ, и сдѣлавшись нераздѣльнымъ нашимъ субъектомъ, сознающимъ себя, какъ себя, дали бытіе міру сверхчувственному, отличному отъ физическаго и духовнаго. Такимъ образомъ непосредственное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ въ дѣлѣ познанія, подобно тому, какъ прежде непосредственное соотношеніе между физическимъ и духовнымъ въ бытіи, совершенно исчезло, и предположеніе узнать объектъ, какъ объектъ, или понять, какъ вещь существуетъ сама по себѣ, значитъ, есть суетная претензія Схоластики. Между тѣмъ человѣкъ познаетъ и изъ всѣхъ его познаній нѣтъ ни одного, въ которомъ не было бы чего нибудь какъ со стороны міра объективнаго, такъ и со стороны субъекта; во всѣхъ субъективныхъ формахъ умственной, нравственной и эстетической нашей дѣятельности есть содержаніе, очевидно заимствованное нами отъ природы внѣшней. Слѣдовательно между субъектомъ и объектомъ существуетъ новый міръ, какъ условіе взаимной связи ихъ,—такой міръ, который самъ по себѣ не будучи ни субъективнымъ ни объективнымъ, развивается изъ элементовъ того и

другаго. Отсюда опять видно, что́ мы разумѣемъ подъ именемъ метафизическаго: и неодносторонні́я, чисто формальныя представленія нашего *я́*, и не вещь саму по себѣ, но царство мысли, организующееся изъ ихъ элементовъ, субъекто-объектъ, сочетавающій въ себѣ ихъ реальности, однимъ словомъ: *мыслимое*, соединяющее внутреннее съ внѣшнимъ, познаніе съ бытіемъ (1).

Итакъ предметъ Философіи опредѣленъ: *самопознаніе и изслѣдованіе всего въ цѣломъ, какъ одного бытія, полнаго разнообразной жизни и дѣятельности, то есть, изслѣдованіе міра метафизическаго, поколику онъ является сверхчувственнымъ и мыслимымъ* — вотъ существенные моменты ея содержанія! Но очевидно, что первый изъ нихъ заключается во второмъ; ибо изслѣдовать все, какъ одно, значитъ дать мѣсто въ цѣломъ и природѣ человѣка. Человѣкъ есть также существо метафизическое, то есть входитъ въ область сверхчувственнаго и мыслимаго. Посему предметомъ Философіи надобно почитать собственно одинъ послѣдній моментъ ея; а первый, какъ увидимъ ниже, долженъ быть его основаніемъ и ручаться за прочность всей науки.

---

(1) Шеллингъ, смотря на міръ со стороны Существа абсолютнаго, пришелъ къ заключенію, что Божественная мысль есть уже бытіе: напротивъ мы, имѣя точку зрѣнія на міръ въ человѣкѣ, должны сказать на оборотъ, — что и самое бытіе для насъ въ дѣлѣ познанія есть только *мыслимое*.

II.

МЕТОДА ФИЛОСОФІИ.

Подъ именемъ *методы* вообще, по этимологическому значенію сего слова (μετά и ὁδός), разумѣется способъ устанавливать послѣдовательность и зависимость истинъ, составляющихъ извѣстную науку; то есть, методою опредѣляется ходъ, или порядокъ заключеній о какомъ нибудь наукословномъ предметѣ, — *форма* науки (1). Итакъ

---

(1) Здѣсь не мѣсто бы излагать понятіе о методѣ, такъ какъ выше — понятія о физическомъ, сверхчувственномъ и духовномъ, или ниже — понятія объ идеѣ, системѣ и проч.: но мы дѣлаемъ это потому, что не предполагаемъ курса пропедевтической Логики, а еще болѣе потому, что въ философскихъ пропедевтикахъ одни и тѣ же логическіе и онтологическіе предметы иногда опредѣляются различно.

нашедши предметъ Философіи, мы, посредствомъ установленія такой или другой методы, должны приготовить для ней и форму. Но съ этою мыслію обыкновенно раждается вопросъ: форма ли пріискивается по матеріи, или матерія — по формѣ, когда хотятъ построить что нибудь реально-формальное?

Обращая вниманіе на способы развитія частныхъ наукъ, мы замѣчаемъ, что въ нихъ извѣстный предметъ не имѣетъ необходимой связи съ извѣстною формою. Частная наука можетъ быть, или простымъ афористическимъ изложеніемъ фактовъ, или непрерывною цѣпію наукословныхъ элементовъ. Форма перваго рода есть *отсутствіе методы* (1); потому что она не предполагаетъ внутренняго соотношенія данныхъ и не объемлетъ своего предмета, какъ одно цѣлое: здѣсь матерія преобладаетъ надъ формою. Форма втораго рода устанавливается только *методою логическою*, которая основываетъ связь истинъ не на существѣ ихъ, а на законахъ мышленія; и потому умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: если извѣстное положеніе есть начало, или посылка; то изъ него должно быть выведено такое, а не другое

---

(1) Отсутствіе методы, по нашему мнѣнію, не есть недостатокъ сочиненія; потому что не методическое, по своему содержанію, иногда бываетъ гораздо лучше методическаго. Но подобныя сочиненія всегда приличнѣе почитать матеріалами науки, чѣмъ самою наукою.

заключеніе. Но такъ какъ въ частныхъ наукахъ всегда есть возможность измѣнять начала; то съ ними натурально измѣняются и самые результаты (2), — и форма науки, какъ Гераклитовъ міръ, получаетъ характеръ perpetui fluxus, то есть, совершенно господствуетъ надъ матеріею. Чтобы уравновѣсить и внутренно соединить форму и содержаніе частныхъ наукъ, нынѣшніе ученые обратились *къ методѣ построенія*, которая, опираясь главнымъ образомъ на идеѣ науки, слѣдственно на реальной ея сторонѣ, старается развить изъ ней самую форму. Но и эта метода имѣетъ важныя неудобства. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь берется во вниманіе идея—необходимое, какъ послѣ увидимъ, условіе для опредѣленія формы Философіи; то прежде нежели покажемъ неудобства методы построенія, постараемся раскрыть значеніе идеи въ области наукословія.

Идея вообще есть взглядъ (ἰδέα отъ ἰδεῖν) на какой нибудь предметъ. Но въ области силъ теоретическихъ мы созерцаемъ предметъ двоякимъ образомъ: во первыхъ чувствомъ (intuitio sensitiva), ощущая его подъ условіемъ планетныхъ формъ его существованія, во вторыхъ умомъ (contemplatio rationis), когда видимъ его безформенно, какъ простую, но реально-полную и свѣтлую

(2) Такъ на пр. въ Физикѣ, понятіе о силѣ иногда выводятъ изъ понятія о матеріи; а иногда на оборотъ: бытіе матеріи изъясняютъ изъ бытія силъ.

мысль. Взглядъ перваго рода очевидно не есть идея, потому что онъ можетъ обращаться только на недѣлимое и совершенно подчиненъ ему; напротивъ взглядъ втораго рода дѣйствительно есть идея; потому что онъ имѣетъ дѣло съ цѣлостію недѣлимыхъ въ какой нибудь сферѣ природы, или извѣстнаго предмета, слѣдовательно долженъ проявляться не иначе, какъ въ мысли и свободно. Чтобы правильно понять значеніе идеи, надобно представить себѣ стремленіе ума видѣть цѣлое или родъ — непосредственно, независимо отъ условій его проявленія, и притомъ uno intuitu—полнѣе, нежели какъ мы видимъ вещь, подлежащую чувствамъ; потому что для чувства доступна только одна сторона предмета, а умъ хочетъ созерцать его вдругъ, какъ одно, не останавливаясь ни на какихъ сторонахъ, ни на какихъ отдѣльностяхъ. Но всегда ли, и въ какой степени это возможно для ума? — Если онъ смотритъ дѣйствительно на все бытіе; то ни что конечно не ограничиваетъ его взгляда и не поставляетъ его идеи въ отношеніе. Въ такомъ случаѣ умъ зависитъ самъ отъ себя и дѣйствуетъ съ полною свободою. Напротивъ, когда предметомъ его созерцанія бываетъ какая нибудь частная сфера природы; то стремленіе видѣть ее, какъ одно, необходимо находится въ зависимости отъ другихъ соприкосновенныхъ сферъ бытія; иначе его взглядъ могъ бы быть несогласенъ съ природою. Въ такомъ случаѣ идея ума становится ограниченною и по неволѣ

должна обращаться къ опыту, чтобы въ немъ найти элементы своего развитія. Посему послѣдняя идея называется частною, или опытною, а первая — общею или умственною.

Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе идей, опытной и умственной, мы возвращаемся къ методѣ построенія и находимъ, что она: 1, не ручается за вѣрность своей идеи, которая въ частной наукѣ, какъ выше сказано, всегда составляется на основаніи опыта, а потому слѣдуетъ такой или другой оцѣнкѣ фактовъ, смотря по личному направленію и убѣжденію субъекта; 2) упускаетъ изъ вида, что полное и совершенное раскрытіе данныхъ ни въ какой отрасли знанія не возможно; а потому въ идеѣ отдѣльной науки всегда ощутителенъ недостатокъ реальности и, при ея развитіи, бываетъ необходима помощь методы логической. Отсюда во всякомъ произведеніи наукословія, выполненномъ по методѣ построенія, самый спорный предметъ есть значеніе фактовъ, а самое утомительное изслѣдованіе — тѣ разсужденія писателя, которыми онъ старается восполнить недостатокъ ихъ.

Впрочемъ, не смотря на такія неудобства методы построенія въ частныхъ наукахъ, она, по видимому, особенно приложима къ развитію Философіи, такъ что Философію, по отношенію къ ея методѣ, иногда называютъ построеніемъ идей (constructio idearum). Эту мысль можно бы подтвердить тѣмъ, что всякая частная наука, орга-

низуясь по методѣ построенія, должна раскрываться изъ идеи; а дѣло Философіи — привесть въ одно гармоническое цѣлое всѣ частныя науки; слѣдовательно Философія обязана гармонически соединить, то есть, построить ихъ идеи. Но должно замѣтить, что когда говорятъ о построеніи идей въ области Философіи; то въ основаніи его предполагаютъ опять идею; а эта идея, какъ основаніе идей, натурально должна быть уже выше опыта и не можетъ зависѣть отъ частныхъ отраслей знанія. Первая относится къ послѣднимъ не потому, что онѣ такъ или иначе проявилисѣ въ опытѣ, а потому, что онѣ вытекаютъ изъ первой, хотя бы опытъ представлялъ ихъ существованіе и въ другомъ видѣ. Слѣдовательно здѣсь необходимо развитіе, а не построеніе.

И такъ, ища методы Философіи путемъ отрицанія, мы дошли наконецъ до той положительной истины, что форма науки нашей должна быть выведена изъ идеи о ней, и что эта идея не есть идеализація пріобрѣтенныхъ опытомъ понятій, а непосредственное созерцаніе истины, сообразной съ природою ума. Но что значитъ выводить форму Философіи изъ идеи о ней? — Во всякой, даже опытной идеѣ, если только она дѣйствительно перенесена изъ сферы понятій въ область ума и справедливо носитъ свое имя, заключается единично содержаніе и форма того цѣлаго, которое изъ нея должно быть развито. Идеально мы видимъ предметъ внѣ обыкновенныхъ условій его

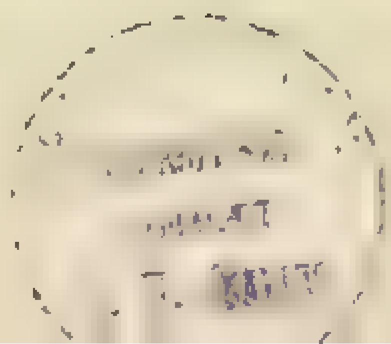
бытія, доступныхъ для понятія и чувства: въ идеѣ онъ — простая, но реальная мысль, въ которой нельзя отдѣлить формы отъ содержанія. Такова на пр. у Платона идея праведника, или у стоиковъ идея мудреца: это — непосредственное, умственное созерцаніе нравственной силы, которую не возможно подвесть ни подъ какую частную жизнь, ни подъ какой образъ опытной дѣятельности человѣка; это—реальная мысль, существующая сама въ себѣ, то есть, имѣющая бытіе, какъ форму, и — форму какъ бытіе. Посему, когда изъ идеи Философіи хотятъ развить ея форму; то этимъ самымъ актомъ должно быть произведено развитіе и ея предмета, и на оборотъ: съ развитіемъ предмета Философіи необходимо развивается и ея форма, то есть, первымъ условливается послѣдняя, а послѣднею — первый, и оба эти условія составляютъ одно. Такъ какъ предметъ Философіи мы уже нашли и опредѣлили; то, для повѣрки настоящаго нашего заключенія, стоитъ только разсмотрѣть, дѣйствительно ли вмѣстѣ съ предметомъ опредѣлена нами и его форма. Выше сказано, что предметъ Философіи есть самопознаніе и міръ метафизическій, или мыслимое, что философствующій умъ долженъ, на основаніи самопознанія, соединить всѣ науки въ одно цѣлое, или, что тоже—изслѣдовать природу, какъ одну систему бытія, полную разнообразной жизни. Но явно, что выразить эту великую систему не возможно безъ системы; и на оборотъ: составить

вѣрную систему познаній о цѣломъ, нераздѣльномъ бытіи природы, нельзя, не выразивъ чрезъ то ноуменальнаго ея существованія. Такимъ образомъ и предметъ и форма Философіи, поколику Философія должна быть развита изъ идеи, есть одна и та же система. Это заключеніе будетъ внѣ всякаго сомнѣнія, когда вспомнимъ, что система бытія, поколику бытіе мыслится, какъ гармоническое цѣлое, и система познаній о бытіи, поколику мыслящее также мыслитъ о немъ, какъ о цѣломъ, сходятся въ одно мыслимое, слѣдственно въ одну систему. И такъ метода Философіи, по самому существу ея идеи и предмета, необходимо и исключительно должна быть *метода систематическая.*

Но противъ этого выведеннаго нами слѣдствія, могутъ сказать, что Исторія представляетъ философствованія иногда въ формахъ вовсе не систематическихъ: такъ напр. ученія Сократа и Платона изложены въ разговорахъ, умствованія Платнера и Бутервека — въ афоризмахъ, и т. п. Для разрѣшенія этого возраженія, мы должны показать, что разумѣемъ подъ именемъ системы, или систематическаго изложенія науки.

Системою въ области наукословія называютъ способъ, или образъ взаимнаго соединенія познаній въ одно наукословное цѣлое. Явно, что этому понятію о системѣ можетъ удовлетворить всякая метода и во всякой наукѣ, потому что имъ опредѣляется только форма цѣлаго, независимо отъ ея

связи съ содержаніемъ. Но не такъ должно разумѣть систему Философіи: будучи выраженіемъ системы мыслимаго или сверхчувственнаго, она есть цѣлое, развитое изъ реальной идеи природы, и соединяющее въ себѣ отдѣльныя познанія — органически, какъ члены, проникнутые одною общею жизнію, сообразно съ органическою связію ихъ прототиповъ въ природѣ. Будучи реальною, то есть, неотдѣлимою отъ предмета, она и въ частныхъ положеніяхъ, внѣ логической связности ихъ, не теряетъ своего значенія, подобно тому, какъ разъединенные органы извѣстнаго организма не теряютъ признаковъ взаимнаго своего отношенія. Въ истинной системѣ Философіи главное дѣло не въ томъ, какъ слѣдуютъ ученія однѣ за другими, а въ томъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ однѣ другимъ, совмѣстимы ли онѣ въ одномъ и томъ же организмѣ науки. Перемѣшавъ или разбросавъ положенія цѣлаго логическаго, мы, вмѣстѣ съ его формою, уничтожили бы и его содержаніе, потому что истинность мыслей опирается въ немъ только на формальной связи ихъ: напротивъ, излагая въ смѣси или отрывочно положенія системы, развитой изъ одной реальной идеи природы, мы нисколько не повредили бы истинѣ ихъ, потому что онѣ сами указываютъ приличное себѣ мѣсто въ гармоническомъ цѣломъ. По этому-то внимательная критика не рѣдко отъ немногихъ отрывковъ сочиненія, написаннаго истиннымъ философомъ, можетъ правильно заключать къ объе-

му и характеру полнаго его ученія. Читая сочиненія Платона, мы никогда не признали бы его философомъ, если бы Философія не отыскала сама себя въ его сочиненіяхъ, то есть, если бы въ нихъ не было единства идеи, и въ развитіи этой идеи — стройной системы природы. Съ этой точки зрѣнія на систему само собою отличается философствованіе отъ Философіи. Можно философствовать, и не быть философомъ: но будучи философомъ, нельзя не философствовать. Философъ — не тотъ, кто о чемъ нибудь и какъ нибудь философствуетъ; кто, по случайному, то есть логическому расположенію истинъ, или по столкновенію страстей, — и эмпиристъ и идеалистъ, и деистъ и супранатуралистъ: но тотъ, чье философствованіе есть выраженіе одной неизмѣнной идеи о мірѣ и жизни, и стремленіе къ развитію этой идеи въ одно систематическое цѣлое. Посему размышленія Монтаня и Паскаля, умствованія Волтера и Руссо, эфемерныя разсужденія и разглагольствія всѣхъ философовъ ex libro, мы согласны назвать философствованіемъ, или проявленіемъ разнохарактерныхъ и отрывочныхъ мнѣній ума, но никогда не удостоимъ ихъ имени Философіи.

Впрочемъ, не оставляя своей реальности, философская система большею частію слѣдуетъ и методѣ логической; то есть, при изложеніи ея, обращается вниманіе не только на органическое соотношеніе, или реальную сообразность отдѣль-

ныхъ познаній, но и на логическую зависимость ихъ. Цѣль, для которой это дѣлается, состоитъ не въ томъ, чтобы доказать истину, потому что форма, сама по себѣ, ничего не доказываетъ, но чтобы представить ее въ яснѣйшемъ свѣтѣ для разсудка, который легче принимаетъ ее путями логическаго хода понятій. Такихъ путей, какъ извѣстно, два: разсудокъ познаетъ истину, или чрезъ принятіе отдѣльныхъ элементовъ знанія и чрезъ совокупленіе ихъ въ логическое цѣлое; или на оборотъ — чрезъ принятіе цѣлаго и чрезъ разрѣшеніе его на отдѣльные элементы. Въ первомъ случаѣ онъ идетъ отъ результатовъ къ основанію, или отъ явленій къ началу ихъ; во второмъ — отъ основанія къ результатамъ, или отъ начала къ его явленіямъ. Тотъ путь называется *синтезомъ*, а этотъ — *анализомъ*; и оба они суть способы дѣятельности одной и той же методы логической. Мы почитаемъ излишнимъ рѣшеніе вопроса: при изложеніи Философіи, лучше ли довольствоваться только реальною сообразностію ученій, или вмѣстѣ нужно заботиться и о логическомъ построеніи ихъ? Извѣстно, что изложеніе философскихъ изслѣдованій діалогически, афористически, въ видѣ свободныхъ размышленій, разсказовъ, повѣстей, и т. п., предполагаетъ уже зрѣлый возрастъ Философіи, или, по выраженію Платона, служитъ къ напоминанію старцу объ истинахъ прежде познанныхъ. Но намъ на этомъ поприщѣ припоминать еще нечего; наша Философія еще въ дѣтствѣ и имѣетъ нуж-

ду въ нити логической. По сему мы намѣрены реальную систему міра ноуменальнаго представить въ формахъ наукословной архитектоники.

НАЧАЛО ФИЛОСОФІИ.

Такъ какъ наше введеніе есть прологъ къ систематическому изложенію Философіи, въ которомъ познанія о гармоническомъ бытіи міра должны составлять одно стройное цѣлое; то необходимо раждается вопросъ о началѣ системы, отъ котораго зависитъ не только достоинство, но и самая возможность систематическаго цѣлаго. Посему мы намѣрены теперь найти и постановить начало своей науки.

Началомъ (principium) вообще называется такое основоположеніе, изъ котораго послѣдовательно вытекаетъ и изъясняется все, заключающееся въ сферѣ извѣстнаго бытія. Или иначе: начало есть истина, отъ которой мыслящій субъектъ начинаетъ рядъ своихъ выводовъ и заключеній о

какомъ нибудь предметѣ. Этимъ понятіемъ предполагается, что въ исходной истинѣ непремѣнно должна скрываться причина, почему умъ принимаетъ ее за начало, и почему изъ ней могутъ быть выведены и дѣйствительно выводятся всѣ другія истины: безъ такой причины начало системы было бы совершенно произвольно. Открыть ее и отвлечь отъ всѣхъ теоретическихъ и нравственныхъ частностей, свойственныхъ извѣстному лицу, значитъ указать существенные признаки начала вообще, по которымъ всегда можно найти и постановить его, приступая къ систематическому изложенію какого нибудь предмета. Причина, почему извѣстная истина разумѣется въ смыслѣ основоположенія, безъ сомнѣнія зависитъ частію отъ субъекта мыслящаго, частію отъ объекта мыслимаго. Основоположеніе, если можно позволить себѣ математическій образъ представленія, есть мысль средняя пропорціональная между тѣмъ и другимъ: чѣмъ болѣе въ немъ субъективности, тѣмъ менѣе объективности, и на оборотъ — чѣмъ болѣе объективности, тѣмъ менѣе субъективности; такъ что если которая нибудь одна сторона его будетъ = 0, то оно сдѣлается или чисто субъективнымъ, или чисто объективнымъ, то есть перейдетъ въ крайность и лишится наукословнаго достоинства. Основываясь на этомъ замѣчаніи, не трудно опредѣлить существенные признаки истиннаго начала; надобно только каждый изъ элементовъ его порознь мысленно уравнять нулю и из-

слѣдовать свойства элемента противуположнаго, а потомъ оба противуположные, вѣрно изслѣдованные элементы поставить въ пропорцію.

И такъ положимъ сперва, что обьективная сторона начала=О, то есть, пусть бытіе и свойства его зависятъ отъ одного ума. Явно, что умъ въ этомъ случаѣ будетъ исключительно слѣдовать собственному закону и въ самомъ себѣ разовьетъ предметъ науки. Но какимъ бы образомъ ни строилась наука въ нѣдрѣ субъекта, — рядъ ея выводовъ всегда предполагаетъ первую истину, на которой умъ могъ бы опереться, какъ на прочномъ основаніи, и которая служила бы началомъ его систематическаго цѣлаго; слѣдовательно общее субьективное свойство начала состоитъ въ томъ, что оно есть *первая истина*. Положеніе, въ наукословной архитектоникѣ почитаемое первымъ, идеалисты обыкновенно разумѣютъ въ двоякомъ смыслѣ, — какъ абсолютное и какъ относительное: абсолютное, по ихъ мнѣнію, есть истина, непосредственно присущая уму, извѣстная сама по себѣ и не имѣющая нужды въ доказательствахъ; напротивъ относительное выводится уже изъ абсолютнаго и занимаетъ первое мѣсто въ какой нибудь частной отрасли знанія, или даже въ какой нибудь частной аргументаціи. Вѣрно ли это дѣленіе? — Никто конечно не будетъ отвергать бытіе истинъ, неимѣющихъ нужды въ доказательствахъ, или которыя нельзя доказывать; но мы не видимъ еще, почему это отри-

цательное свойство даетъ право называть ихъ абсолютными. По нашему понятію, здѣсь скрывается такая же ошибка, какой подвергались древніе физики и атомисты, когда, не находя способовъ разложить извѣстную стихію или атомъ, принимали ихъ за начала абсолютныя. Человѣческая мысль можетъ развиваться въ безконечность, можетъ до безконечности анализировать элементы познанія, — и эта возможность въ области наукословія, положимъ, зависитъ отъ какой либо истины, непосредственно присущей уму: но и первая истина не условливается ли въ свою очередь самымъ существомъ человѣка? Если же условливается: то должно замѣтить, что существо наше и не ограничивается конечнымъ и не вмѣщаетъ въ себѣ безконечнаго, и не останавливается во времени и не наполняетъ собою вѣчности, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не абсолютно. А когда природу нельзя почесть абсолютною; то какъ выводить ея дѣятельность изъ абсолютнаго начала? Абсолютное всегда одно и тоже; но если бытіе наше усовершимо, то положенію, называемому абсолютнымъ, почему не сдѣлаться когда нибудь еще абсолютнѣе? Избѣгнуть этихъ затрудненій можно бы только посредствомъ слѣдующаго ограниченія: абсолютное начало, напр. я есмь я (А=А), не смотря ни на какое развитіе человѣческой природы, всегда остается тѣмъ же по формѣ, логически: но въ такомъ случаѣ всякое выраженіе закона тожества было бы равно абсо-

лютно и также могло бы служить началомъ системы. И такъ, ища субъективныхъ свойствъ начала, мы становимся одною степенью ниже идеалистовъ и въ первой истинѣ видимъ основоположеніе — не абсолютное и относительное, но или *философское*, или *наукословное*. Основоположеніемъ философскимъ, по нашему мнѣнію, надобно почитать то, которое непосредственно извѣстно — не уму, а вообще человѣку, и которое не можетъ быть доказываемо — не потому, что будто бы оно безусловно, а потому, что его условія недоступны для непосредственнаго вѣденія. Напротивъ основоположенію наукословному нельзя ни въ какомъ случаѣ приписать извѣстность непосредственную, хотя бы оно лежало въ основаніи систематическаго изложенія цѣлой науки, и хотя бы эта наука составляла какую нибудь вѣтвь самой Философіи; потому что начало отдѣльной отрасли знанія, давая направленіе развитію болѣе или менѣе частнаго предмета, необходимо должно условливаться общимъ центромъ наукословія — началомъ философскимъ, и отъ него заимствовать свою силу (1). Отличивъ такимъ об-

(1) Ограниченіе наукословныхъ предметовъ можно представлять въ безконечной прогрессіи: начинаясь отъ первой истины въ смыслѣ философскомъ, то есть, отъ истины чисто субъективной и непосредственно извѣстной, оно—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развѣтвляетъ предметы изслѣдованія, подобно тому, какъ въ атмосферѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дробятся лучи солнца,—и всѣ частныя направленія ихъ утверждаетъ на ка-

разомъ первую истину въ смыслѣ философскомъ, то есть, истину непосредственно присущую человѣку, отъ основоположеній, свойственныхъ частнымъ наукамъ, мы хотя довольно уже ограничили субъективную сферу, въ которой надобно искать начало Философіи, однакожъ все еще не можемъ указать на самое начало ея; потому что въ человѣческомъ субъектѣ, по видимому, многое имѣетъ право на извѣстность непосредственную. Переливы внутренней нашей дѣятельности такъ быстры, частные оттѣнки мыслей, чувствованій и желаній такъ непримѣтны, послѣдовательность психическихъ явленій и зависимость ихъ, однѣхъ отъ другихъ, такъ неуловимы, что трудно рѣшить, что непосредственно, и что посредственно извѣстно намъ въ насъ самихъ. По этому Философы, имѣя въ виду одно и тоже субъективное свойство начала, основывали свои системы то на чувствѣ животномъ или физическомъ, то на чувствѣ эстетическомъ и нравственномъ, то на мышленіи и бытіи, то на идеѣ Бога и постулятахъ закона, то

кихъ нибудь началахъ. Явно, что субъективное значеніе этихъ началъ будетъ находиться въ обратномъ отношеніи къ ограниченію ихъ предметовъ, а именно: чѣмъ ограниченнѣе предметъ, тѣмъ менѣе должно быть субъективныхъ свойствъ и отчетливости въ его началѣ; такъ что наконецъ оно можетъ всецѣло выступить изъ сферы субъекта, совершенно расторгнуть связь съ Философіею и потерять свое значеніе въ аггрегатѣ фактовъ, представляемыхъ міромъ опыта. Это путь обособленія знанія. См. выше стр. 15.

на сознаніи и совѣсти. Хотя изъ этихъ, совершенно различныхъ основаній и можно исключить нѣкоторыя, явно противорѣчущія понятію о первой субъективной истинѣ (1); однакожъ все еще будетъ не извѣстно, какъ показать достаточность, или недостаточность прочихъ. Для преодолѣнія сего затрудненія, мы постановляемъ два необходимыхъ признака истины, непосредственно присущей человѣку: такая истина безспорно должна быть *ясна сама по себѣ* и *одинаково присуща всѣмъ людямъ.* Прилагая эти признаки къ исчисленнымъ выше субъективнымъ основаніямъ философовъ, всякой увидитъ, что почти всѣ онѣ или темны и погрѣшительны, или не равно очевидны для каждаго. Нѣтъ сомнѣнія, что чувство въ психической нашей жизни есть коренной и весьма сильный движитель: оно могущественнѣе самой крѣпкой воли, быстрѣе самой легкой мысли; оно предваряетъ всякую внутреннюю нашу дѣятельность и, сообщая ей энергію, само не подчиняется ни тео-

---

(1) Такими основаніями я почитаю: 1) Кондильяково, потому что животное чувство, или чувственность, какъ скоро оно — нѣчто болѣе простаго принятія впечатлѣній, необходимо условливается сознаніемъ, безъ котораго развитіе чувства до степени познанія невозможно; 2) Декартово, потому что въ извѣстномъ началѣ — cogito, ergo sum, — мышленію всегда предшествуетъ сознаніе, — conscius mihi sum me cogitare. Нынѣшніе Французскіе Философы стараются приписать Декарту начало сознанія; но въ философскихъ его сочиненіяхъ нѣтъ на это никакихъ основаній.

*

ретическимъ ни нравственнымъ ея формамъ. Чувство не терпитъ ни доказательствъ, ни опроверженій: предъ его внушеніями тѣ и другія равно слабы. Тоже должно сказать и о постулятахъ закона. Всѣ мы внутренно одобряемъ справедливое и честное, всѣ стремимся къ истинѣ и добру. Эти стремленія въ нашей природѣ глубже всего: онѣ возникаютъ изъ самаго существа ея и развѣтвляются во всѣхъ видахъ нашей дѣятельности. Съ ними мы и раждаемся и умираемъ, ими украшаемъ свое бытіе, съ ними совершаемъ достохвальные подвиги на поприщѣ истины и добродѣтели. Тоже наконецъ скажемъ мы и объ идеѣ Бога. Нельзя представить разумное существо, которое бы, вошедши въ себя, не ощутило потребности признавать бытіе Высочайшей Премудрости. Необходимость этого требованія очевидна не столько въ исторіи человѣчества, сколько въ самой природѣ человѣка: она есть результатъ не ученыхъ изслѣдованій, но простаго, безкорыстнаго взгляда на самого себя. Казалось бы, что эти внутренніе дѣятели въ нашемъ существѣ всего лучше могутъ быть органами истины, непосредственно присущей человѣку, и дать твердое начало Философіи — тѣмъ болѣе, что ими характеризуется не жизнь, не познаніе или желаніе, а самое бытіе наше. Но какой земной умъ можетъ слабымъ своимъ свѣтомъ разсѣять тотъ мракъ, въ которомъ они дѣйствуютъ, и вполнѣ раскрыть значеніе ихъ внушеній? Внушенія чувства и стремленія духа

конечно извѣстны намъ непосредственно: но истолкованіе и приложеніе ихъ къ частностямъ въ умственной и нравственной нашей жизни не можетъ быть совершенно зрѣлымъ плодомъ и цѣлой науки; потому что онѣ, какъ сказано выше, не подчиняются формамъ ума и воли; если же и входятъ въ нихъ, то въ области понятій и желаній становятся уже не тѣмъ, чѣмъ были. Знамя истины и добра безъ сомнѣнія водружено въ человѣческомъ субъектѣ: но оно, кажется, расторглось на двое, — и сколько теперь подъ нимъ замаскированныхъ заблужденій и пороковъ! Сердце безспорно исповѣдуетъ Бога: но когда люди, основавшись на этомъ общемъ, идеальномъ исповѣданіи, начнутъ изъяснять законы Его ума и воли; то вмѣсто единаго Бога, сотворятъ себѣ тысячи кумировъ, а вмѣсто одного человѣчества—милліоны недѣлимыхъ. Правда, можно, говорятъ, вообразить себѣ человѣка на такой степени нравственнаго и религіознаго развитія, что для него, при руководствѣ внутренняго чувства и духовныхъ стремленій, все ясно и опредѣленно: но этимъ самымъ представленіемъ очевидно предполагается уже предварительное развитіе сихъ дѣятелей, слѣдовательно въ наукѣ они должны зависѣть отъ средствъ своего воспитанія, можетъ быть, вовсе не субъективныхъ, и занимать уже второе мѣсто. При томъ, когда мы ищемъ начало Философіи въ человѣческомъ субъектѣ; то разумѣемъ не частное лице, а цѣлое человѣчество: надобно, чтобы

первая истина была для всѣхъ и всегда первою; иначе люди, не сознающіе ея такою въ самихъ себѣ, не обязываются принимать ее за начало.

Но между тѣмъ какъ ни чувство, ни постуляты закона, ни идея Бога не могутъ быть положены въ основаніе Философіи, всѣ признаки субъективнаго ея начала очевидно приличествуютъ *сознанію*. Сознаніе, понимаемое въ смыслѣ теоретическомъ и нравственномъ (совѣсть), по всей справедливости можетъ быть названо первою истиною; потому что все, входящее въ сферу человѣческой жизни, и являющееся въ ней, какъ наше, дѣлается такимъ единственно подъ условіемъ сознанія. Какая бы дѣятельность ни производилась въ нашемъ существѣ, подъ какими бы видами ни открывалась намъ наша природа, — эти виды и эта дѣятельность извѣстны намъ потолику, поколику мы сознаемъ ихъ. Самыя внушенія чувства и духа, когда онѣ восходятъ въ насъ на высшую степень развитія, непремѣнно становятся предметами сознанія. Безъ сознанія, мы — не мы, наше — не наше. Отсюда само собою явствуетъ, что сознаніе есть истина философская, то есть, непосредственно присущая человѣку: оно не выводится изъ какой нибудь другой истины; по крайней мѣрѣ, приступая къ изслѣдованію человѣческой природы, мы не можемъ ни откуда вывесть его. Сознаніе — первое слово, изрекаемое нашимъ существомъ, или первая нить, за которую хватается и умъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и воля въ сво-

емъ избраніи. Сознаніе есть сознаніе: иного предиката, то есть, иного высшаго понятія приписать ему невозможно. Равнымъ образомъ, сознаніе есть истина, ясная сама по себѣ: это очевидно и безъ доказательствъ. Всѣ методы воспитанія, всѣ науки, цѣлая жизнь клонятся къ тому, чтобы извѣстные предметы ввесть въ область сознанія: но для проясненія самаго сознанія нѣтъ и не нужно никакихъ способовъ; потому что ясность — существо его. Можно, правда, сознавать предметъ темно: но въ такомъ случаѣ должно разумѣть не темноту самаго сознанія, а сознаніе темноты извѣстнаго предмета; по этому само въ себѣ оно всегда ясно. Нѣчто подобное надобно сказать и о его всеобщности. Впрочемъ, почитая сознаніе всеобщимъ, мы хотимъ выразить не то, что оно есть у всѣхъ людей, — это разумѣется само собою, — но что у всѣхъ людей оно — одно и тоже. Каждый сознаетъ, одинъ то, другой другое; но всѣ сознаютъ одинакимъ образомъ: сознаніемъ, поколику оно разсматривается, какъ сила субъекта и условіе субъективно-человѣческой дѣятельности, люди не разнятся между собою. Оно можетъ имѣть большій или меньшій объемъ, такое или другое содержаніе: но во всякомъ объемѣ — тоже сознаніе, всякое содержаніе его непремѣнно сознается. Такое понятіе о всеобщности сознанія конечно не можетъ не быть предметомъ споровъ и недоумѣній; потому что люди привыкли понимать сознаніе конкретно. Послѣ мы увидимъ, что точно такъ и должно

понимать его; но теперь смотримъ только на субъективную его сторону и отвлекаемъ отъ ней все сознаваемое. Нельзя конечно отвергать, что выраженія: погрѣшительная совѣсть, слабая совѣсть, потеря или отсутствіе совѣсти, безсовѣстность и т. п. явно противорѣчатъ всеобщности сознанія; но кто вникнетъ въ истинный смыслъ этихъ выраженій, тотъ вдругъ замѣтитъ, что ими указывается не на самую совѣсть въ смыслѣ психологическомъ, а на несознаваніе предписаній нравственнаго закона, слѣдовательно на недостатокъ въ содержаніи сознанія.

И такъ субъективная сторона начала Философіи, по нашему мнѣнію, найдена: сознаніе или совѣсть въ значеніи силы психической, то есть, положеніе: *я сознаю*, какъ истина первая, непосредственно извѣстная, сама по себѣ ясная и всеобщая, можетъ и должно быть субъективнымъ началомъ ея.

Теперь остается еще найти объективный элементъ основоположенія нашей науки. Для достиженія сей цѣли, забудемъ на минуту о сознаніи, положимъ, что субъективная сторона начала Философіи = 0, и будемъ наблюдать, каково должно быть ея основаніе въ отношеніи къ самому предмету изслѣдованій. Предметъ Философіи есть все, разсматриваемое какъ одно бытіе, полное разнообразной жизни и дѣятельности; а все, какъ одно, или гармонію бытія, мы назвали также метафизическимъ, сверхчувственнымъ и мыслимымъ; по сему, чтобы начало нашей науки находилось

въ дѣйствительномъ сродствѣ съ ея предметомъ, оно должно имѣть тѣже самыя свойства, то есть, быть мыслимымъ и заключать въ себѣ элементы всякаго бытія въ гармоническомъ составѣ ихъ. Если же таковъ долженъ быть общій и необходимый характеръ начала со стороны объективной; то не трудно замѣтить, что оно — тоже въ наукѣ, что сѣмя — въ растеніи; какъ въ сѣмени свитъ полный организмъ растенія; такъ въ объективномъ началѣ должна быть сосредоточена цѣлая система Философіи. По сему различіе между субъективнымъ и объективнымъ ея началомъ состоитъ въ томъ, что первое есть истина, отъ которой она начинаетъ изслѣдованіе, а второе есть истина, изъ которой она развивается въ систематическое цѣлое. Гдѣ искать эту послѣднюю? Явно, что назвавъ ее сверхчувственною и мыслимою, мы устранили все вещественное и частное въ природѣ; потому что никакое вещество, никакая частность въ ней, сами по себѣ не мыслятся, а только входятъ въ сферу мышленія подъ видомъ элементовъ, воспроизводимыхъ разсудкомъ въ представленія: такъ напр. зерно, песчинка, камень, муравей и т. д., какъ недѣлимыя, не могутъ быть предметами мысли, пока не припишемъ имъ какого нибудь свойства, или не поставимъ ихъ въ какое нибудь отношеніе; ибо существо мышленія состоитъ не просто въ представленіи, а въ сочетаніи представленій. По этому всѣ матеріальныя начала, на которыхъ многіе философы древняго и новаго міра по-

строяли свои системы, не заслуживаютъ имени истинныхъ началъ Философіи. Съ атомами, съ коренною матеріею, даже съ какою бы то ни было силою, или соединяются извѣстныя понятія, или не соединяются: въ послѣднемъ случаѣ эти начала — чистыя предположенія, и также не имѣютъ значенія въ объектѣ, какъ абсолютная истина въ субъектѣ; въ первомъ — онѣ выводятся изъ предѣловъ міра матеріальнаго и, вступивъ въ область разсудка, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ понятій, а чрезъ то дѣлаются уже не столько началами бытія, сколько символами познанія.

Доступное для науки основаніе мыслимаго можетъ находиться только въ источникѣ мысли, то есть, въ существѣ мыслящемъ. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражаются бытіе и жизнь природы; здѣсь сосредоточиваются безчисленныя свидѣтельства о ея силахъ, свойствахъ и дѣйствіяхъ; здѣсь вещество получаетъ иной образъ существованія, облекается въ новыя формы и становится безконечнымъ рядомъ понятій; здѣсь частныя представленія, преобразовавшіяся изъ впечатлѣній міра объективнаго въ умственныя единицы, сводятся въ одинъ итогъ, и подъ вліяніемъ духовной природы человѣка, сообщающей конечному характеръ безконечнаго, является идея, теорія, цѣлое, или вообще — міръ мыслимый. Но между безчисленнымъ множествомъ истинъ, тѣснящихся въ умѣ, какъ узнать ту, изъ которой развивается, или дол-

жно быть развито безпредѣльное царство мысли? Рѣшеніе сего вопроса сопряжено съ величайшими затрудненіями и бываетъ одною изъ причинъ разпогласія умовъ на всѣхъ путяхъ философскаго изслѣдованія. Всякая человѣческая истина, сама по себѣ, всегда многосторонняя, какъ обломокъ какого нибудь вещества въ калейдоскопѣ; она можетъ находиться на всѣхъ мѣстахъ, въ безконечно различныхъ отношеніяхъ и, смотря потому, гдѣ находится, ведетъ къ такимъ или другимъ результатамъ. Истины простой, безотносительной, или, какъ говорятъ, абсолютной, человѣкъ мыслить не въ силахъ; а потому у него нѣтъ и быть не можетъ истины въ собственномъ смыслѣ объективно-первой, изъ которой могла бы быть развита полная система мыслимаго. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы всѣ объективныя, или реальныя истины въ мыслящемъ субъектѣ имѣли равное достоинство: мы легко можемъ сортировать ихъ и отдавать однимъ преимущество предъ другими. Явно, что нѣкоторыя изъ нихъ представляются намъ болѣе несомнѣнными, а иныя — менѣе; тѣ совершенно ясны, эти довольно темны и неопредѣленны. Но такая оцѣнка истинъ основывается не на нихъ самихъ, а на присутствіи ихъ въ нашемъ сознаніи. Все сознаваемое вѣрнѣе того, что не сознается, а только выводится изъ сознаваемаго; все очевидное въ сознаніи вѣрнѣе того, что существуетъ въ немъ какъ будто подъ покровомъ — обоюдно, загадочно: вотъ обыкновенное

ное основаніе для оцѣнки истинъ! Такимъ образомъ мы опять пришли къ сознанію, но уже со стороны не субъекта, а объекта. Если же сознаніе должно быть мѣрою истинъ; то и свойства сознанія, какъ субъективной стороны начала Философіи, не могутъ не участвовать въ опредѣленіи ихъ достоинства: а потому *истину, представляющуюся въ сознаніи первою, непосредственно извѣстною, ясною и всеобщею, безъ всякаго сомнѣнія, надобно почитать объективною стороною начала Философіи.*

И такъ сознаніе, когда оно принимается за начало нашей науки, надобно разумѣть *конкретно*, то есть, не отдѣлять въ немъ психической силы отъ содержанія: это требованіе тѣмъ законнѣе, что онѣ и на самомъ дѣлѣ никогда не отдѣляются (1). Ибо что такое—сознаніе, разсматриваемое само по себѣ, психологически? — сила безъ дѣйствія, бытіе безъ жизни, чистая потенція субъек-

---

(1) Сознаніе въ конкретѣ не есть синтезъ сознаваемыхъ фактовъ. Синтезомъ нѣкоторые называютъ только содержаніе сознанія; а когда обращается вниманіе и на самое условіе предполагаемаго синтеза, то есть, на самое сознаніе; тогда это будетъ уже конкретъ. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, и сознаваемое не есть синтезъ; потому что связь между фактами сознанія зависитъ не отъ самыхъ фактовъ, а отъ сознанія, поколику оно заключаетъ ихъ въ себѣ, какъ одно. По этому Кругъ неосновательно утверждаетъ, что начало сознанія требуетъ анализа сознаваемыхъ фактовъ. Философія, основывающаяся на этомъ началѣ, не видитъ еще синтеза, слѣд. должна прежде привесть къ нему частные факты въ сознаніи.

та. Въ человѣкѣ оно такимъ не бываетъ: въ немъ невозможно ни сознаніе безъ сознаваемаго, ни сознаваемое безъ сознанія; эти элементы, не соединяясь взаимно, не существуютъ для человѣка.

Если же сознаніе принимается у насъ конкретно; то оно есть *единственное начало всего*, что человѣкъ мыслитъ, что чувствуетъ, чего желаетъ и къ чему стремится; потому что сознаніе обнимаетъ и усвояетъ всѣ формы нашей жизни. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ важное преимущество предъ тѣми началами Философіи, которыми выражается какая нибудь одна сторона нашего бытія. Извѣстно, что начала чувства рѣдко бываютъ въ гармоніи съ законами ума; а начала ума не даютъ ни какой цѣны внушеніямъ чувства. Извѣстно также, что Философы, основывавшіеся на началахъ умственныхъ, выводили изъ нихъ и правила нравственной дѣятельности, и религіозныя стремленія сердца, а потому лишали самостоятельности самое лучшее и благороднѣйшее въ человѣкѣ. Эти противорѣчія и несообразности въ основаніяхъ, проистекающихъ изъ частныхъ отраслей нашей жизни, примиряются сами собою въ сознаніи; потому что сознаніе есть общее доказательство ихъ бытія и общая порука за большую или меньшую очевидность ихъ предписаній. Въ сознаніи нѣтъ исключеній: все сознаваемое находится въ немъ и принадлежитъ ему, какъ бытіе дѣйствительное. Посему Философія, основывающаяся на сознаніи, не можетъ допу-

скать монополіи въ человѣческой природѣ, не можетъ однимъ жертвовать *для* другаго, неизъяснимое почитать призракомъ, или вообще быть одностороннею.

Но когда сознаніемъ озаряются и движенія чувства, и стремленія духа, и избранія воли, и мышленіе разсудка; то явно, что оно есть *начало и познанія и бытія*. Сознаніе есть начало познанія; потому что всѣ факты нашей жизни, входя въ его сферу, становятся равно предметами знанія. Что бы мы ни сознавали, — чувствованія ли сердца, результаты ли ума, — но какъ скоро что нибудь и какъ нибудь сознаемъ, то сознаваемое извѣстнымъ образомъ — уже знаемъ. Для сознанія, различіе путей, которыми вошли въ него тѣ или другія истины, безразлично. Сознаніе есть также и начало бытія. Философы иногда старались изслѣдовать бытіе природы независимо отъ тѣхъ свойствъ ея, за дѣйствительность которыхъ она сама ручается человѣку посредствомъ производимыхъ на него впечатлѣній. Цѣлію такого изслѣдованія было — узнать природу саму въ себѣ. Но сколь мало успѣха могутъ имѣть подобныя усилія, и какъ много въ нихъ гипотетическаго, — доказано уже Кантомъ. И нужно ли искать вещь тамъ, гдѣ она не существуетъ непосредственно для человѣка, между тѣмъ какъ дѣйствительный міръ, измѣнивъ только объективныя условія бытія, самъ собою входитъ въ наше сознаніе и непрестанно живетъ въ немъ? Мы, по какой-то

дѣтской прихоти, не довольствуемся тѣмъ, что получаемъ безъ труда: чтобъ бытіе въ глазахъ нашихъ явилось бытіемъ дѣйствительнымъ, — признаются необходимыми подвиги. Мы хотимъ насильно разоблачить природу; а природа добровольно разоблачаетъ себя каждый день въ содержаніи нашего мышленія, нашихъ чувствованій, нашихъ желаній и стремленій, — въ цѣломъ существѣ человѣка, и вмѣстѣ съ содержаніемъ ихъ вноситъ свое бытіе въ область нашего сознанія. Правда, въ тѣсныхъ предѣлахъ этой области она вполнѣ вмѣститься не можетъ; однакожъ изъ того, что въ нихъ вмѣщается, возможенъ ходъ науки до самаго ея святилища, возможно развитіе безконечнаго ряда заключеній, — и чѣмъ далѣе будетъ простираться это развитіе, тѣмъ обширнѣе сдѣлается сфера сознанія, подобно тому, какъ чѣмъ выше растетъ дерево, тѣмъ глубже и ширѣ раскидывается его корень.

Если же сознаніе есть начало познанія и бытія; то нельзя не почесть его *началомъ формально-реальнымъ*. Было время, когда Философію основывали большею частію на началахъ реальныхъ. Человѣкъ старался изъяснять природу изъ собственныхъ ея стремленій и искать ключа къ ея тайникамъ въ собственномъ ея нѣдрѣ. Отпечатлѣнная такимъ характеромъ Философія быстро увеличивала свое содержаніе, непрестанно умножала въ своей области сумму матеріаловъ и представляла уму всегда новые и новые

вопросы для рѣшенія. Но между тѣмъ накоплявшіяся познанія, будучи разнородны и не имѣя внутренняго единства, слабо держались на основаніяхъ, то слишкомъ частныхъ, то не довольно опредѣленныхъ, — и наука, при малѣйшемъ вниманіи критики, распадалась. По этому настало другое время, когда, слѣдуя Канту, начали доказывать, что реальныя начала Философіи никуда не годятся, что онѣ оттѣняются личнымъ интересомъ мыслителя, и потому не могутъ быть всеобщи, что онѣ несовмѣстимы съ требованіями наукословной архитектоники, и потому враждебны системѣ, что истинная и полная система можетъ основываться только на началѣ формальномъ, которое такъ же неизмѣнно и всеобще, какъ неизмѣненъ и всеобщъ законъ разума. Что жъ отсюда вышло? — Явилась Философія новая и, изумивъ ученый міръ строгостію своей методы и правильностію выводовъ, изумила его также своимъ безплодіемъ, своею сухостію и неприложимостію, — стройнымъ остовомъ изъ однихъ, чисто логическихъ понятій. Умы здравые видѣли эти крайности и чувствовали потребность въ такомъ началѣ Философіи, которое было бы вмѣстѣ и формальное и реальное, но не находили его; потому что искали начала абсолютнаго по формѣ и содержанію. Рейнгольдъ, не обращавшій вниманія на это послѣднее условіе, первый замѣтилъ его въ сознаніи и, бывъ тогда защитникомъ Кантова ученія, старался приложить основоположеніе сознанія (Be-

wusseinsatz) къ теоріи представительной силы своего учителя. Можно вообразить, каковъ долженствовалъ быть успѣхъ этого приложенія. Чистый раціонализмъ Канта, недававшій никакого участія фактической сторонѣ сознанія въ дѣятельности разсудка, или лучше сказать, фактическую его сторону производившій не изъ впечатлѣній внѣшней природы, натурально не гармонировалъ съ началомъ Рейнгольда; а потому оно строгими послѣдователями Кенигсбергскаго Философа (особенно Кругомъ) было отвергнуто (1). Но мы не понимаемъ, какъ можно извѣстное начало подчинять какому бы-то ни было ученію: по нашему мнѣнію — на оборотъ, ученіе должно развиваться и зависѣть отъ своего начала. Посему, не приписывая никакой цѣны одностороннимъ понятіямъ многихъ Германскихъ мыслителей объ основоположеніи Рейнгольда, мы почитаемъ его весьма годнымъ въ наукѣ — особенно потому, что оно есть начало формально-реальное. Въ самомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на субъективную, или психическую его сторону, мы ничего не видимъ въ немъ кромѣ формы, выражаемой всеобщимъ положеніемъ: «Я сознаю.» И эта форма тѣмъ важнѣе для науки, что зависитъ не отъ законовъ мышленія, а отъ самаго бытія субъекта, и служитъ какъ бы

---

(1) См. Krug's allg. Handwörterb. W. *Principien d. Phil.*, *Bewusseinsatz* и *Rheinhold*, также *Dalberg* von Bewuss., als allg. Grund. d. Weltweisheit. Erfurt, 1793.

показателемъ его природы. Напротивъ, обращая вниманіе на объективную сторону, или на содержаніе сознанія, мы ничего не находимъ въ немъ, кромѣ реальности сознаваемаго, которое постоянно и ближайшимъ образомъ свидѣтельствуетъ человѣку о бытіи и свойствахъ природы. Правда, скажутъ, что наше начало въ послѣднемъ отношеніи можетъ быть различно у каждаго мыслителя; потому что истины сознаваемыя почти всегда носятъ частные оттѣнки лица: но когда онѣ непосредственно присущи сознанію, то частныхъ оттѣнковъ въ нихъ быть не можетъ; потому что все, непосредственно извѣстное, есть не произведеніе извѣстной силы, а фактъ самой природы. Притомъ надобно же оставить человѣку какое нибудь основаніе для разнообразія науки. Въ царствѣ совершеннѣйшей гармоніи монотонія неумѣстна.

IV.

ПОНЯТІЕ И ХАРАКТЕРЪ ФИЛОСОФІИ.

Нашедши предметъ, форму и начало Философіи, мы чрезъ то обозначили всѣ главные ея моменты, или существенные признаки. Философствовать наукословно, по нашему мнѣнію, должно о сверхчувственномъ или мыслимомъ, систематически и на основаніи сознанія. Посему теперь нѣтъ никакой трудности составить понятіе о Философіи. *Она есть наука, разсматривающая все бытіе, какъ одно гармоническое цѣлое въ сверхчувственномъ или мыслимомъ, сколько оно можетъ быть развито изъ сознанія и выражено въ системѣ.* Это понятіе конечно не столь частно, чтобы уму не оставалось возможности видоизмѣнять философскую свою дѣятельность, потому что сверхчувственное или мыслимое, система и сознаніе могутъ имѣть раз-

*

личный объемъ, большее или меньшее содержаніе, такое или другое сочетаніе заключающихся въ себѣ истинъ; однако жъ и не столь обще, чтобы подъ нимъ могли содержаться противуположные взгляды на науку, или чтобъ изъ него нельзя было вывесть особенный характеръ Философіи.

Правда, съ перваго взгляда оно, по видимому, весьма сходно со всѣми понятіями, которыя постановлены мыслителями со временъ Канта, когда Философія, изслѣдованная критически, пришла въ болѣе ясное сознаніе. Такъ напримѣръ, Кантъ понимаетъ Философію, какъ науку «объ отношеніи всякаго познанія къ существеннымъ цѣлямъ ума»; Фихте — какъ науку «о знаніи въ его единствѣ, поколику оно является какъ сущее»; Шеллингъ — какъ науку «объ абсолютномъ безразличіи идеальнаго и реальнаго»; Шульце — какъ науку «о высочайшихъ и безусловныхъ причинахъ всего условнаго, дѣйствительность коихъ извѣстна намъ»; Гегель — какъ науку «объ умѣ, поколику онъ сознаетъ себя, какъ все бытіе». Во всѣхъ этихъ и другихъ безчисленныхъ понятіяхъ о Философіи общее — то, что философы распространяютъ свой взглядъ на все и хотятъ изслѣдовать все, какъ одно. Въ этомъ отношеніи и мы согласны съ ними, потому что такова всеобщая идея нашей науки, таково существо ея, безъ котораго, какъ прежде сказано, возможно только философствованіе, а не Философія. Но кто не замѣтитъ, что въ приведенныхъ выше

определеніяхъ единство всего сущаго есть только логическое понятіе, выведенное изъ всеобщаго взгляда на Философію, и что следовательно эти определенія сходны между собою только логически? Такимъ же образомъ можно бы почитать сходными и астрономическія системы Птоломея, Тихобраге и Коперника, потому что всѣ онѣ стремятся къ одной цѣли — найти всеобщій законъ гармоническаго движенія небесныхъ тѣлъ.

Чтобы показать реальное сходство или различіе между нашимъ и другими понятіями о Философіи, и чрезъ то представить, сколько можно яснѣе, характеръ системы, соответствующей каждому изъ нихъ, надобно въ неопредѣленной сферѣ бытія, выражаемой понятіемъ, обратить особенное вниманіе на центральный моментъ, вокругъ котораго организуется все. Такой центральный моментъ въ понятіяхъ Канта, Фихте и Гегеля очевидно есть *умъ*, почитаемый нормою всякаго бытія, маштабомъ истины, источникомъ нравственности и религіи; въ понятіяхъ Шеллинга, Окена и Штеффенса — *абсолютное*, или *Богъ*, проявляющійся вездѣ, превращающійся во все и въ себѣ самомъ соединяющій все; въ понятіи Шульце — *природа*, существующая по сокровеннымъ своимъ законамъ, и изъ неизслѣдимаго своего нѣдра развивающая міръ вещественный и нравственный (1). Что

(1) Мы приписываемъ Шульце этотъ взглядъ, основываясь на позднѣйшихъ его сочиненіяхъ (см. Psych. Anthropologie Gött.

же касается до нашего опредѣленія Философіи; то главный, выражаемый имъ моментъ не есть ни умъ, ни абсолютное, ни природа, но *сверхчувственное* или *мыслимое въ сознаніи*, слагающееся съ одной стороны изъ абсолютнаго и чувствопостигаемаго, съ другой — изъ субъекта и объекта. Съ этихъ четырехъ основныхъ точекъ зрѣнія на единство и гармонію вселенной, философскія системы развиваются и въ четырехъ различныхъ характерахъ. У Канта, Фихте и Гегеля Философія носитъ характеръ *раціонализма*; у Шеллинга, Окена и Штеффенса она — чисто *пантеистическая*; у Шульце отличительная черта ея — *натурализмъ*; а по значенію нашего опредѣленія она должна быть отпечатлѣна типомъ *синтетизма* (1).

1816. Aphorismen über das Absolut. Ueber Halls-Entdeckungen, die Organe des Gehirns betreffend, и проч.). Извѣстно, что онъ началъ свое поприще скептицизмомъ, которымъ вооружался противъ основаній Канта и Рейнгольда (см. его Aenesidemus), а потомъ естественно перешелъ къ эмпирическому натурализму.

(1) Синтетизмъ есть такая система Философіи, которая разсматриваетъ знаніе и бытіе, идеальное и реальное въ нераздѣльномъ и коренномъ существованіи ихъ, а не выводитъ одного изъ другаго, и этотъ выводъ почитаетъ невозможнымъ. Синтетизмъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, мало и рѣдко былъ раскрываемъ. Слабыя и не совсѣмъ вѣрныя черты его мы находимъ только у *Тюрмера*, въ его Fundamentalphilosophie, подъ особымъ заглавіемъ: Realidealismus, и у *Круга*, въ его Fundamentalphilosophie, oder wissenschaftliche Grundlehre, 1827.

Такъ какъ синтетизмъ нашей Философіи необходимо вытекаетъ изъ составленнаго нами понятія о ней, а наше понятіе о ней необходимо зависитъ отъ тѣхъ чертъ, которыми мы опредѣлили предметъ, форму и начало ея; то вопросъ, для чего мы хотимъ сообщить ей именно этотъ, а не другой какой нибудь характеръ, былъ бы конечно неумѣстенъ. Впрочемъ, чтобы устранить всѣ возможные споры объ относительномъ достоинствѣ характеровъ Философіи, не безполезно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Давно уже дознано, къ какимъ одностороннимъ заключеніямъ и противорѣчіямъ приходятъ пантеизмъ и натурализмъ, и сколь враждебны эти системы кореннымъ догматамъ Христіанства и мудрымъ постановленіямъ Политики, основывающейся на нравственныхъ требованіяхъ человѣческой природы. Доказывать это нынѣ — значило бы повторять всѣмъ извѣстное. Но раціонализмъ и въ наше время пользуется особеннымъ уваженіемъ; такъ что не только входитъ въ правило жизни практической, но и отражается почти во всѣхъ наукахъ. Что же отсюда вытекаетъ? — Деспотическое владычество ума надъ истиною, житейскій и наукословный эгоизмъ. «Никто не говори, что это такъ; мой разсудокъ опредѣлилъ иначе», или: «никто не утверждай, что это не такъ; мой умъ требуетъ согласія». Такое раздроб-

леніе истины въ отношеніи къ частнымъ случаямъ и предметамъ конечно не важно, и вообще трудно указать на тѣ пути раціоналистическаго зла, которыми оно разливается изъ своего источника: гораздо замѣчательнѣе, что до временъ Канта, Христіанскій міръ не видѣлъ примѣровъ смѣшиванія метафизическихъ правъ человѣка съ политическими, а Религія не встрѣчала раціоналистовъ. Не отъ того ли это, что тогда Философія не превращала ума въ фантастическое божество и не выводила его изъ подъ условій общества и Вѣры? Что же касается до синтетизма; то онъ идетъ прямо противъ подобныхъ злоупотребленій философскаго изслѣдованія, потому что поставляетъ умъ въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, уравниваетъ его съ другими силами въ сознаніи человѣческаго субъекта и, обращая вниманіе на его существо и дѣятельность, показываетъ его зависимость отъ абсолютнаго и чувствопостигаемаго. Сверхъ того синтетизмъ естественно и легко разрѣшаетъ многія, весьма важныя проблемы, признанныя неразрѣшимыми. Мы разумѣемъ тѣ, которыя имѣютъ цѣлію согласить въ человѣческомъ представленіи конечное съ безконечнымъ, временное съ вѣчнымъ, бытіе съ познаніемъ, сущность съ явленіемъ, животность съ духовностію и т. д. Рѣшеніе ихъ возможно только для философскаго синтетизма; потому что онъ всѣ эти крайности сводитъ въ сверхчувственномъ или мыслимомъ, развивая его изъ реальныхъ бытій: природы, человѣка и Бога, слѣдовательно съ

равною ясностію и въ совершенной гармоніи созерцаетъ элементы своихъ изысканій въ общемъ центрѣ ихъ соотношенія.

V.

ЦѢЛЬ ФИЛОСОФІИ.

Когда говорятъ о цѣли Философіи, то рѣшаютъ два вопроса: 1) какая цѣль философскихъ изслѣдованій? и 2) достигается ли она? Постараемся дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенные вопросы.

1) Всякая *цѣль* человѣческой дѣятельности, присуща ли она, или не присуща сознанію человѣка, имѣетъ необходимую связь съ *требованіемъ его природы*. Случается, что природа, ослабленная въ своихъ силахъ, или еще не развившая ихъ, не выражаетъ своихъ требованій съ надлежащею опредѣленностію; и тогда человѣкъ колеблется въ избраніи цѣли, даже безсознательно влечется къ тому, къ чему природа вовсе не направляла его:

но во всякомъ случаѣ цѣлію предполагается, если не истинное, то мнимое требованіе нашего существа. Надобно также замѣтить, что требованіе человѣческой природы неотдѣлимо отъ внутренней ея жизни и всегда имѣетъ значеніе субъективное; напротивъ цѣль необходимо внѣ ея бытія и представляется чѣмъ-то объективнымъ; если же она утверждается и въ насъ, то мы сами себя въ такомъ случаѣ разумѣемъ какъ объектъ. Отсюда видно, что между требованіемъ и цѣлію такое же отношеніе, какое между природою субъективною и объективною; такъ что, по опредѣленіи одного изъ нихъ, опредѣлится и другое. Далѣе, потребность есть выявленіе недостатка: въ нашей природѣ не пробуждалось бы никакого требованія, если бы въ ней было все, относящееся къ ея существу и назначенію; посему требованіе есть отрицательное выраженіе человѣческой жизни. Напротивъ цѣль, соотвѣтствующая потребности, показываетъ, что человѣкъ видитъ въ ней восполненіе того, чего не достаетъ въ его природѣ; посему цѣль есть положительное представленіе человѣческаго бытія. Отсюда ясно, что требованіе и цѣль суть полюсы одного и того же процесса: требованіе — полюсъ отрицательный, а цѣль — положительный. Если же требованіе и цѣль относятся между собою какъ полюсы, то уже не трудно составить общее понятіе о цѣли: въ такомъ случаѣ *подъ именемъ цѣли должно разумѣть восполненіе недостатка человѣческой природы, или удовлетво-*

реніе ея потребности изъ неисчерпаемыхъ сокровищницъ міра объективнаго (1). Это опредѣленіе столь обширно, что въ немъ пайдутся цѣли и для дѣйствій, называемыхъ безцѣльными (zwecklos), слѣдовательно тѣмъ несомнѣннѣе содержится подъ нимъ всякая цѣль, дѣйствительно присущая сознанію человѣка. Но какимъ образомъ изъ общаго понятія о цѣли вывесть частное — о цѣли Философіи? Изъ него слѣдуетъ только то, что цѣль Философіи есть удовлетвореніе потребности человѣческой природы; а въ чемъ именно состоитъ эта потребность, и слѣдовательно въ чемъ должно состоять ея удовлетвореніе, — еще не видно.

Мы сказали, что требованіе и цѣль содержатся между собою, какъ полюсы: но взаимное ограниченіе полюсовъ обыкновенно выражается какимъ нибудь процессомъ, или рядомъ результатовъ, изъ которыхъ, при тщательномъ наблюденіи, всегда можно опредѣлять родъ и свойства ихъ дѣятелей; потому что въ процессѣ оба они отпечатлѣваютъ себя въ томъ и другомъ отношеніи. Ньютонъ, замѣтивъ, что тѣла падаютъ на поверхность земли отвѣсно къ ея центру, но съ различною скоростію,

---

(1) Составивъ такое понятіе о цѣли вообще, мы не противорѣчимъ схоластическому понятію о ней (finis est id, propter quod aliquid fit); но и не принимаемъ его, потому что у Схоластиковъ цѣль опредѣляется средствомъ, а средство — цѣлію (medium est id, per quod aliquid fit) — и такимъ образомъ допускается circulus in definiendo.

нашелъ законъ тяготѣнія, то есть опредѣлилъ и значеніе земнаго центра по отношенію къ вещамъ, и свойства вещей по отношенію къ земному центру. Эренбергъ, открывъ, что міръ наливочныхъ животныхъ простирается по всѣмъ царствамъ орудной и не орудной природы, могъ заключить съ Боннетомъ и Гердеромъ, что природа есть нераздѣльная жизнь, являющаяся на безчисленныхъ степеняхъ развитія и входящая въ таинственную связь съ міромъ нравственнымъ. Меллони, нашедши, что лучи свѣта, пропускаемаго сквозь призму, обнаруживаютъ не одинаковую температуру въ частныхъ цвѣтахъ, долженъ былъ прійти къ мысли о поляризаціи теплоты солнечныхъ лучей и теплотвора, освобождаемаго отдѣльными тѣлами планеты (1). Аристотель, разсматривая процессъ познаванія, утверждалъ, что онъ есть среднее между общимъ и частнымъ, то есть, между разумѣніемъ и впечатлѣніемъ, получаемымъ чрезъ чувства (2). Вообще, силы и цѣли природы, недоступныя для непосредственнаго наблюденія,

---

(1) Въ области естественныхъ наукъ дѣлается много великихъ открытій: но эти открытія большею частію увеличиваютъ только хаосъ познаній; потому что теорія далеко позади ихъ, и умъ, развлекаемый ихъ противорѣчіями, не знаетъ, какъ съ ними управиться.

(2) Въ этомъ отношеніи Аристотель правѣе Канта, который, формамъ пространства и времени приписавъ чисто субъективное значеніе, поставилъ познаніе почти въ исключительную зависимость отъ міра субъективнаго.

познаются только чрезъ разсматриваніе результатовъ ихъ: non posse quempiam scire per demonstrationem, говоритъ Аристотель (3), nisi cognoscat prima principia immediata; такъ что, при всѣхъ возможныхъ изслѣдованіяхъ, мы рѣшаемъ одинъ и тотъ же вопросъ: откуда и къ чему это?, то есть, мы разрѣшаемъ явленія на ихъ элементы и изъ свойства послѣднихъ открываемъ дѣятелей — съ одной стороны въ требованіяхъ субъекта, съ другой—въ цѣляхъ его развитія. Міръ въ такомъ же отношеніи къ суду ума, въ какомъ подсудимый — къ суду политическому: какъ послѣдній, не зная ни чувствованій, ни намѣреній виновнаго, старается открыть то и другое чрезъ изслѣдованіе самаго дѣйствія; такъ и первый, не видя непосредственно ни сокровенныхъ пружинъ, ни стремленій феноменальной жизни, хочетъ вывесть родъ и свойства ихъ изъ характеровъ условливающагося ими процесса (4).

Итакъ спрашивается: въ чемъ состоитъ процессъ дѣятельности, образующій исключительное поприще Философіи? Какія требованія обнаруживаетъ въ немъ наша природа и чѣмъ желала бы она въ этомъ отношеніи быть удовлетворенною? — Мы сказали выше, что Философія во всѣ време-

---

(3) Anal. poster. L. II. C. XIX.

(4) Только по выведеніи этихъ заключеній, во всякомъ судѣ можетъ быть установленъ законъ, опредѣляющій отношеніе требованія къ цѣли.

на старалась разсматривать все, какъ одно, — то есть, найти законъ гармоническаго бытія вселенной. Смотря на міръ со стороны опытной, она всегда видѣла въ немъ тысячи несогласимыхъ противорѣчій. Мертвое проявляется въ дивныхъ формахъ жизни, а жизнь носитъ въ себѣ сѣмена разрушенія; опредѣленное подлежитъ извѣстной мѣрѣ, а мѣра сама по себѣ неопредѣленна; все существуетъ отдѣльно, и однакожъ ничто неотдѣлимо отъ цѣлаго; въ области разума безчисленныя заблужденія, а въ мірѣ неразумія—порядокъ и премудрость; зло торжествуетъ надъ добродѣтелію, а однакожъ на сторонѣ добродѣтели всѣ завѣтныя чувствованія сердца; человѣкъ необходимо требуетъ вѣчнаго, а никто не умѣетъ представить его и не знаетъ, откуда взялось понятіе о немъ; всѣ разсуждаютъ о безконечномъ, а никто не можетъ вообразить даже безконечную линію. Вообще, духъ и матерія, свобода и необходимость, время и вѣчность, протяженность и непротяженность, вѣсомость и невѣсомость, — всѣ эти и другія безчисленныя противорѣчія въ одномъ и томъ же мірѣ завлекаютъ Философію въ лабиринтъ мрачный и неисходимый: она наблюдаетъ, изслѣдываетъ, сравниваетъ, опредѣляетъ, изъ области опыта восходитъ въ міръ идеальный, старается подвесть все подъ одну точку зрѣнія, развить цѣлое изъ одной идеи бытія и жизни, и такимъ образомъ съ терпѣніемъ Данаидъ трудится надъ рѣшеніемъ великой загадки всемірной гар-

моніи. При первомъ взглядѣ на это неутомимое стремленіе Философіи, мы видимъ въ немъ основаніе для двухъ заключеній: 1) что человѣческая природа не имѣетъ въ себѣ несомнѣнной и постоянной нормы для опредѣленія гармоническаго бытія вселенной; 2) что она необходимо требуетъ ее. Оба эти заключенія вытекаютъ изъ философскаго стремленія, чрезъ соображеніе его съ опредѣленнымъ выше значеніемъ требованія; какъ отрицательнаго проявленія нашей жизни. Изслѣдуемъ смыслъ выведенныхъ заключеній. Не имѣть несомнѣнной и постоянной нормы для опредѣленія гармоническаго бытія всего существующаго,—значитъ не знать, какое мѣсто въ природѣ должно занимать каждое существо, или по крайней мѣрѣ каждый родъ существъ, — не знать, въ какомъ отношеніи между собою должны находиться всѣ предметы въ мірѣ, и слѣдовательно каковы должны быть законы бытія и дѣятельности каждаго изъ нихъ. Явно, что здѣсь обнаруживается незнаніе всеобщей связи, совокупной жизни и вліянія существъ одного на другое, и что въ слѣдствіе этого незнанія одна вещь, выдвинутая изъ своей колеи и увлеченная на чуждое поприще, къ несообразной себѣ дѣятельности, неминуемо произведетъ безпорядокъ и замѣшательство въ цѣломъ организмѣ природы. Но къ чему, говорятъ, человѣку знать это? Для чего ему — норма гармонической жизни міра? Не онъ создалъ эту гармонію;—не ему и созерцать ее. Довольно,

если человѣкъ внимателенъ къ закону собственной природы и старается слѣдовать истинному смыслу его предписаній. Такъ возражаютъ противъ втораго нашего заключенія и вмѣстѣ съ тѣмъ — противъ необходимости Философіи. Само собою разумѣется, что подобныхъ возраженій нельзя ожидать отъ ума истинно философскаго; потому что онъ не можетъ высказать столь рѣзкихъ противорѣчій, какія заключаются въ предложенныхъ вопросахъ. Если весь міръ есть одно стройное цѣлое, — чего конечно никто, кромѣ казуиста, отвергать не будетъ —; то въ этомъ цѣломъ такое, а не другое мѣсто, такое, а не другое значеніе, такія, а не другія отношенія должны принадлежать и самому человѣку. По этому, если человѣкъ не знаетъ мѣста, значенія и надлежащаго отношенія всѣхъ родовъ бытія въ составѣ міра; то вмѣстѣ не знаетъ и того, гдѣ, какъ и въ какія отношенія поставить самого себя. А въ такомъ случаѣ онъ не можетъ не только исполнять свой законъ, но и сознавать, или понимать его предписанія; потому что законъ вообще есть не что иное, какъ указаніе мѣста и значенія подзаконному существу, по отношенію его ко всякому другому бытію въ природѣ. Мы почитаемъ излишнимъ доказывать эти истины: онѣ сами собою вытекаютъ изъ предыдущихъ несомнѣнныхъ положеній и анализируются Исторіею всего человѣчества. Люди во всѣ времена расходились въ своихъ характерахъ и свойствахъ — только потому, что

жизнь ихъ развивалась подъ вліяніемъ частныхъ понятій о значеніи и отношеніяхъ человѣка, и что собственное понятіе всякому казалось лучшимъ. Одни прославились, какъ мудрые законодатели, другіе, — какъ практическіе вожди подданныхъ, тѣ, — какъ завоеватели престоловъ, эти, — какъ стяжатели любви народной, иные, — какъ геніи на поприщѣ умственной дѣятельности, а нѣкоторые, — какъ рѣдкое явленіе въ жизни домашней и общественной: — и что же? Исторія, сравнивая эти славы, недоумѣваетъ, которой изъ нихъ отдать преимущество; потому что не знаетъ, какое значеніе въ мірѣ свойственно вообще человѣку, по существу его природы и по его мѣсту въ безконечной цѣпи бытія. Притомъ всякое общество гражданское имѣетъ свои законы, нравы, обычаи, занятія и почитаетъ ихъ сообразнѣйшими съ коренными условіями человѣческаго существованія въ мірѣ, такъ что всѣ другія кажутся ему жалкими, даже постыдными (1). Древніе Греки называли варварами всѣхъ, незнакомыхъ съ фор-

---

(1) Der Araber oder Mongole verachtet den Städter, und dünkt sich vornehm in Vergleichung mit ihm, weil das Herumziehen in den Wüsten mit seinen Pferden und Schafen mehr Belustigung, als Arbeit ist. Der Waldtunguse meint seinem Bruder einen Fluch an den Hals zu werfen, wenn er sagt: «dass du dein Vieh selber erziehen magst, wie der Buräte!» Dieser giebt die Verwünschung weiter ab, und sagt: «dass du den Acker bauen magst, wie der Russe!» (*Kant*, von einem vornehm. Ton d. Phil.).

мами ихъ жизни и образованія; нынѣшніе Европейцы почти не удостоиваютъ и имени людей — всѣхъ, не имѣющихъ у себя университетовъ и академій (1); а житель Африканскихъ степей и Азіятскихъ горъ не понимаетъ, какъ можно быть человѣкомъ и не умѣть ѣздить на конѣ. Кто согласитъ вѣковыя распри народовъ о предѣлахъ и предметахъ нашихъ познаній, о достоинствѣ нашихъ занятій, о формахъ частной и общественной нашей жизни? Кто найдетъ всеобщій законъ, опредѣляющій дѣятельность человѣка во всѣхъ потребностяхъ — не потому, что онъ Китаецъ, Могаммеданинъ, Германецъ, или Французъ, но потому, что онъ человѣкъ — необходимый органъ въ великомъ организмѣ природы? Эти вопросы

(1) Ссылаюсь на одного Русскаго ученаго, который утверждаетъ, что «на Востокѣ природа преобладаетъ надъ духомъ», что «свободное мышленіе, которое дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, тамъ подавлено», что «недостатокъ свободнаго мышленія ослабляетъ, если только не вовсе уничтожаетъ развитіе свободной воли» и что «*отсюда раждается необходимость религіи*, которая бы могла замѣнить недостатокъ человѣческой дѣятельности и управлять міромъ» (То есть, имѣй Востокъ свободу воли, — на что бы ему и религія!), что «восточныя царства жили только въ пространствѣ, а не во времени», что «жителю Востока недостаетъ индивидуальности, и что въ этомъ отношеніи онъ ничтоженъ, и проч.» По сему и ты меценатъ древней Индіи, знаменитый Викрамадитія, и вы девять Алмазовъ, украшавшіе его корону, славные творцы Индійской драмы и эпопей, и вы законодатели и романисты Китая, — всѣ вы лексикографы, историки, граматисты Востока были существа ничтожныя.

получать еще большую важность, когда мы обратимъ вниманіе на религіозную жизнь человѣка. Исторія показываетъ, сколь различны во всѣ времена были отношенія его къ Богу, и какъ много составлено и осуществлено понятій объ образѣ истиннаго богопочитанія, о религіозныхъ требованіяхъ человѣческой природы, о формахъ будущей жизни, о наградахъ и наказаніяхъ по смерти. И должно замѣтить, что сколь ни разногласны между собою мнѣнія о сихъ важнѣйшихъ предметахъ ума и сердца, но всѣ онѣ, смотря потому, гдѣ какое принималось, почитаемы были сообразными съ истиннымъ значеніемъ человѣка въ мірѣ. Кто же оцѣнитъ эти противорѣчущія религіозныя стремленія, найдетъ одно вѣрное отношеніе человѣчества къ Богу? Кто въ цѣломъ, стройномъ составѣ міра отыщетъ ключъ къ рѣшенію великой задачи, каковъ долженъ быть человѣкъ въ отношеніи къ Высочайшему Существу?

Явно, что всѣ эти и другіе подобные вопросы суть частные моменты одного и того же: какое мѣсто и значеніе принадлежитъ человѣку въ безконечной цѣпи существъ (1). Рѣшить этотъ по-

(1) Всѣ подобные вопросы Кантъ въ своей Методологіи старался привесть къ слѣдующимъ тремъ: что я могу знать? что я долженъ дѣлать? и чего могу надѣяться, дѣлая что слѣдуетъ? Но рѣшеніе сихъ вопросовъ онъ почиталъ не цѣлію Философіи, а частными моментами ея предмета, какъ будто все поприще философскихъ изслѣдованій заключено въ од-

слѣдній вопросъ, значитъ, какъ мы видѣли выше, удовлетворить существенной потребности человѣка. Но приблизиться къ его рѣшенію естественными силами можно не иначе, какъ путемъ философскихъ изслѣдованій; потому что Философія, одна изъ всѣхъ человѣческихъ наукъ, разсматриваетъ міръ въ цѣломъ, гармоническомъ бытіи его. Слѣдовательно философскія изысканія суть средство для опредѣленія мѣста, значенія и отношеній человѣка въ мірѣ; а *опредѣленіе мѣста, значенія и отношенія его въ мірѣ есть цѣль Философіи.*

2. Но нашедши цѣль Философіи, мы должны разрѣшить еще другой вопросъ: достигается ли она и можетъ ли быть достигнута? Много во всѣ времена было говорено и писано объ этомъ; много было споровъ pro и contra; а задача и доселѣ—безъ удовлетворительнаго отвѣта. Если вѣрить Цицерону (1), Аристотель называлъ древнихъ философовъ или безумцами или хвастунами — за то, что они почитали свои усилія достаточными для закончанія философскихъ изслѣдованій. Вотъ теперь—другое дѣло, говорилъ онъ: теперь въ нѣ-

---

номъ человѣкѣ, или какъ будто человѣкъ есть мѣра всякаго бытія и всякой объективной дѣятельности.

(1) *Cicer.* qu. Tusc. III, 69. Aristoteles, veteres philosophos accusans, qui existimauissent, philosophiam suis ingeniis esse perfectam, ait eos aut stultissimos aut gloriosissimos fuisse: sed se dicere quod pavcis annis magna accessio facta esset, brevi tempore philosophiam plane absolutam fore.

сколько лѣтъ Философія сдѣлала такіе успѣхи, что скоро вполнѣ совершитъ свое поприще. Стагиритскій мудрецъ не обратилъ вниманія на то, что въ его время, по свидѣтельству Варрона, насчитывали до двухъ сотъ осьмидесяти сектъ — только по отношенію къ одному вопросу о высочайшемъ благѣ (1). Послѣ Аристотеля протекло почти цѣлое тысящелѣтіе, — и умершая надежда Греческаго философа воскресла въ душѣ Декарта: надѣюсь, восклицалъ онъ, дожить до той эпохи, когда всѣ философскія мнѣнія сольются въ одну систему, подобно тому, прибавилъ насмѣшливо Свифтъ, какъ всѣ меньшія звѣзды слились въ его ученіи въ одинъ міровой вихрь (2). Декартъ и не подозрѣвалъ, что тогда въ Англіи и Германіи возрастало новое поколѣніе мыслителей, долженствовавшихъ впослѣдствіи опровергнуть его начала. Извѣстно, что къ той же вожделѣнной цѣли закончанія усилій Философіи стремился и Лейбницъ, стараясь, посредствомъ своей универсальной характеристики и алфавита человѣческихъ познаній, согласить различныя философскія системы (3). Онъ не предвидѣлъ, что скоро займутся не соглашеніемъ, а разрушеніемъ всѣхъ ихъ. Того же наконецъ ожидалъ и славный преобразователь

(1) *August.* de civit. D. XIX. 2.

(2) *Swift* tale of a tub. ch. 9. *Scheidl.* methodol. Encycl. d. Phil. Prol. 89.

(3) Oeuvr. philos. ed. Raspe. p. 539.

Философіи, Кантъ, указывая на приближеніе вѣчнаго мира въ ея области. Философія, говоритъ онъ (1), всегда вооруженная противъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ явленіе съ вещію самой въ себѣ, и слѣдственно всегда сопутствующая дѣятельности ума, открываетъ перспективу вѣчнаго мира между философами; потому что показываетъ съ одной стороны слабость теоретическихъ доказательствъ, предлагаемыхъ возражателями, съ другой — твердость практическихъ основаній къ принятію собственныхъ своихъ началъ. Этотъ миръ тѣмъ выгоднѣе, продолжаетъ Кантъ, что онъ возбуждаетъ силы мнимою опасностію отъ нападеній и, посредствомъ Философіи, содѣйствуетъ природѣ къ непрестанному оживленію умственной дѣятельности. — Далѣе мы увидимъ, достаточно ли это условіе для цѣли, предполагаемой Кантомъ; а теперь обращаемся къ опыту и замѣчаемъ, что критика Германскаго мыслителя произрастила плоды не вѣчнаго мира, но безконечныхъ распрей, раздробившихъ до крайности область Философіи (2). По нашему мнѣнію, иначе и быть не могло. Кантъ сдѣлалъ тоже по отношенію къ умозрительной сторонѣ своей науки, что сдѣлалъ нѣкогда Сократъ по отношенію къ Іоникѣ. И какъ

---

(1) *Kant's* Werke, III. 13. S. 401. Leipz. 1838.

(2) Auf Ewig ist der Krieg vermieden,
Verfolgt man, was der Weise spricht;
dann halten alle Menschen Frieden,
Allein die Philosophen nicht. *Kästner.*

школа послѣдняго заключала въ себѣ сѣмена развитія совершенно противоположныхъ понятій о нравственности; такъ и ученіе перваго должно было произвесть совершенно различные взгляды на міръ и человѣка. За какимъ бы-то ни было разрѣшеніемъ цѣлаго обыкновенно слѣдуетъ броженіе его элементовъ и стремленіе ихъ образоваться въ новые виды.

И такъ Исторія свидѣтельствуетъ, что Философія никогда не оканчивала своего поприща, слѣдовательно еще не достигла своей цѣли. Всякая система конечно выводила извѣстное заключеніе о значеніи человѣка въ гармоническомъ бытіи природы и, согласно съ своими началами, приписывала ему такіе или другіе законы дѣятельности: но еще не рѣшено, которое изъ заключеній истинно, и есть ли совершенно истинное между ими. По этому не удивительно, что Философія и со стороны своей цѣли подвергается такимъ же укоризнамъ, какимъ со стороны своего предмета. Что за наука она, говорятъ многіе, если, предположивъ себѣ цѣль, доселѣ не достигла ея? Это — умствованіе безъ приложенія, трудъ безъ пользы, потеря времени безъ вознагражденія, споры безъ результатовъ; это — vanitas vanitatum (1). Удивительно только то, что

(1) Ego vero ne studiosos quidem sapientiae philosophos esse concesserim, quia illo studio ad sapientiam non pervenitur. Nam si facultas inveniendae veritatis huic studio subjaceret, aliquando esset inventa; cum vero tot temporibus, tot inge-

за недостиженіе цѣли порицаютъ одну Философію, между тѣмъ какъ ни одна наука, разумѣваемая въ идеальномъ своемъ совершенствѣ, еще не достигла ея. Было время, когда Физика въ матеріальныхъ аггрегатахъ находила только четыре стихіи; нынѣ, при помощи химическихъ аппаратовъ, она открыла ихъ болѣе пятидесяти: но тутъ ли предѣлъ разложенію вещества? Скудны были ботаническія и зоологическія открытія Аристотеля и Плинія; несравненно болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлали Кювье, Гумбольдъ, д'Орбиньи и другіе: но тутъ ли Геркулесовское nec plus ultra? Для человѣка имѣетъ особенный интересъ Исторія человѣчества: но и начало и историческое развитіе большей половины обществъ нашего рода еще не извѣстны намъ, какъ будто эти общества состояли и состоятъ не изъ людей. Къ мысли человѣка всего ближе ея слово: но ни одна частная Грамматика еще не опредѣлила всѣхъ формъ своего языка и не нашла столь общихъ его законовъ, чтобъ они не давали мѣста ни какимъ исключеніямъ. Что же касается до теоріи краснорѣчія; то при нынѣшнемъ, свободномъ развитіи словесныхъ произведеній, она не можетъ предписать почти ни одного опредѣленнаго правила, не угрожая мышленію школьными оковами.

---

niis in ejus inquisitione contritis non sit comprehensa, apparet, nullam esse ibi sapientiam. *Lact.* inst. divin. III. 1. 2.

Смѣемъ сказать вообще, что ни одна наука, равно какъ и Философія, не только не достигла своей цѣли, но и не получила доселѣ полной, совершенно стройной организаціи; такъ что во всякой есть еще много не развитыхъ сторонъ, какъ въ солнцѣ —темныхъ пятенъ. Слѣдовательно укоризны, направляемыя противъ Философіи, могутъ относиться ко всѣмъ наукамъ, или еще справедливѣе — къ недостаточности всѣхъ дѣйствій человѣка.

Но скажутъ: другія науки, если и не достигли вполнѣ своихъ цѣлей, по крайней мѣрѣ постепенно достигаютъ ихъ; объемъ познаній, пріобрѣтаемыхъ ими объ извѣстныхъ предметахъ, непрестанно увеличивается: напротивъ Философія не только не опредѣлила значенія человѣка въ гармоническомъ бытіи природы, но не изслѣдовала окончательно и самыхъ основаній для своихъ результатовъ о немъ; она и нынѣ продолжаетъ умствовать такъ же и о томъ же, какъ и о чемъ умствовала въ древности. Если эти укоризны въ самомъ дѣлѣ справедливы; то непостижимо, какимъ образомъ Философія могла пережить цѣлыя тысящелѣтія, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ народа въ народъ, изъ школы въ школу, сражаясь съ предразсудками и повѣрьями, съ невѣжествомъ и страстями, съ презрѣніемъ и насмѣшками. Суетна была Астрологія древнихъ Маговъ, и ея не стало; нелѣпа была мистическая Каббалистика Александрійскихъ мечтателей, и она изчезла; не нашла философскаго камня Алхимія среднихъ

временъ, и нынѣ нѣтъ уже алхимистовъ. Но Философія все еще существуетъ и, не смотря на вѣковыя неудачи, все еще стремится къ своей цѣли, въ надеждѣ достигнуть ея. Чтобы понять эту странность и узнать, идетъ ли впередъ Философія, или нѣтъ, — обозримъ слегка рядъ ея результатовъ о значеніи человѣка въ гармоническомъ бытіи міра.

Въ древнихъ школахъ, до Сократа, философы производили человѣка изъ земли, и притомъ иногда — почленно, утверждая не шутя, что члены тѣла, прозябшіе сперва порознь, уже въ послѣдствіи составили стройное цѣлое. Такимъ образомъ человѣкъ, по всему существу своему, принадлежалъ къ царству природы, и находился подъ одною категоріею со всѣми видами ея развитія. Потомъ, со временъ Сократа и Платона, начали разсматривать человѣка въ двухъ типахъ — въ тѣлѣ и душѣ, и первое, какъ грубую матерію, отдали въ полное распоряженіе жизни животной, или началъ ея, а вторую ввели въ сонмъ боговъ и облекли божественными совершенствами. Такимъ образомъ человѣкъ, прежде дитя безсознательной, хотя также вѣчной (ἄπειρον) природы, теперь раздѣленъ между небомъ и землею и явился съ одной стороны слишкомъ великимъ, съ другой — слишкомъ малымъ, съ одной — обладателемъ высшренняго ума и совершенной свободы, съ другой слѣпцомъ, истлѣвающимъ въ оковахъ жалкой необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ взглядъ на человѣка гораздо благороднѣе и

ближе къ свидѣтельствамъ опыта, нежели первый; но открывъ новую, высшую сторону въ человѣческой жизни, онъ встрѣтилъ также новыя, важнѣйшія затрудненія. Теперь возникли безконечные споры о предѣлахъ и условіяхъ свободы, о вмѣняемости добра и зла, объ участіи животности въ нравственной жизни человѣка, о судьбѣ и назначеніи обоихъ его типовъ, вообще объ отношеніи и связи души и тѣла въ ихъ бытіи и дѣятельности. Раздѣливъ человѣка на начала небесное и земное, Философія потомъ долго мирила его съ самимъ собою, сближала такъ или иначе его элементы, и наконецъ утомленная, дошедшая до послѣдней крайности въ своихъ заключеніяхъ, не знала какъ выпутаться изъ безчисленныхъ антиномій, не подозрѣвая, что узелъ ихъ скрывается не въ земномъ и не въ небесномъ началѣ, но въ самомъ существѣ человѣческой природы. Въ такомъ затрудненіи могло бы принести Философіи величайшую пользу ученіе Христіанской Вѣры. Небесная премудрость ясно изобразила и присутствіе двухъ законовъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ, и отличіе грѣховнаго закона отъ тѣлеснаго организма, на которое философскій дуализмъ никогда не обращалъ вниманія, и различіе между плотію и животною жизнію, котораго Философія не допускала, и высокое достоинство послѣдней, и тѣсную связь ея съ жизнію духа въ одномъ человѣческомъ существѣ и славную судьбу ея, неотдѣлимую отъ назначенія духовной природы че-

ловѣка (1 Кор. XV, 35—44, Римл. VII, 23, 2 Кор. VII. 1, Римл. VII. 24. VII.—18—23, 1 Кор. VI. 19, 20, Евр. IV. 12. 1. Сол. V. 23), всѣ сіи истины, раскрытыя въ Св. Писаніи съ совершенною ясностію, могли бы пролить много свѣта на тѣ излучистые и темные пути, которыми Философія шла къ своей цѣли: но Христіанскіе мыслители (1), къ нещастію, находились подъ сильнымъ вліяніемъ древняго антропологическаго дуализма и, разумѣя Философію, какъ науку положительную, не смѣли измѣнять ея понятій. Въ такомъ состояніи явилась наша наука предъ критическимъ трибуналомъ Канта. Замѣтивъ точку ея стоянія въ отношеніи къ той цѣли, къ которой она должна стремиться, и видя, что препятствіе къ ея стремленію заключалось въ невозможности найти гармоническое соотношеніе между тѣлесною и духовною жизнію человѣка, Кантъ натурально долженъ былъ принесть въ жертву своей теоріи который нибудь одинъ изъ членовъ противоположности, — и принесъ тѣло. По его мнѣнію, самостоятельное начало всего человѣческаго существа есть умъ, и область его такъ обширна, что въ ней, подъ условіемъ чисто субъективныхъ формъ воззрѣнія, дѣйствуетъ и самая чувственность (Sinnlichkit). Что же касается до тѣла, со всѣмъ органическимъ его развитіемъ; то оно, равно какъ міръ вещественный вообще, есть только явленіе. Поелику же понятіе о самостоятельности ума и представляющаго и умозаклю-

(1) Я разумѣю характеръ и направленіе схоластической Философіи.

чающаго, еще не объясняло умственныхъ и нравственныхъ противорѣчій въ человѣкѣ; то Кантъ раздѣлилъ умъ на теоретическій и практическій. Умъ теоретическій, по его мнѣнію, имѣетъ дѣло съ однимъ міромъ явленій, чувствуя его подъ формами пространства и времени, а познавая категорически: напротивъ умъ практическій самъ по себѣ ничего не познаетъ, а только требуетъ абсолютнаго въ дѣятельности и познаніи низшихъ силъ. Такимъ образомъ послѣдній всегда не доволенъ первымъ и не перестаетъ возбуждать его; а первый, сколько ни трудится, не можетъ выразить постулятовъ послѣдняго. Явно, что этотъ взглядъ на человѣческую природу гораздо выше и отчетливѣе дуалистическаго. Философія, поставленная на этой точкѣ зрѣнія, разсматриваетъ человѣка, уже не какъ существо сложное изъ противуположныхъ природъ и дѣйствующее по чуждымъ, невѣдомымъ себѣ и взаимно противорѣчущимъ законамъ, но какъ лице, существующее самостоятельно, сосредоточенное въ собственномъ сознаніи и слѣдующее внушеніямъ собственнаго своего закона. Никто, вѣроятно, не будетъ сомнѣваться и въ томъ, что сдѣланное Кантомъ преобразованіе Философіи открыло безконечное поприще для дальнѣйшаго изслѣдованія и оцѣнки теоретическихъ нашихъ познаній, а особенно для философской архитектоники, или систематическаго построенія науки. Впрочемъ это оправдано и самымъ опытомъ: до временъ Канта, во всей области наукословія, не знали

другой системы кромѣ схоластической, и другой классификаціи познаній, кромѣ той, которая основывается на внѣшней, или формальной связи ихъ; напротивъ нынѣ только закоренѣлый предразсудокъ держится старыхъ формъ науки, и только невѣжество довольствуется внѣшнимъ соотношеніемъ истинъ.

Вотъ краткій отчетъ о движеніи Философіи къ своей цѣли! Изъ него видно, что Философія находилась не въ одномъ состояніи, что ея трудъ не былъ празднымъ и безплоднымъ умствованіемъ, но постояннымъ стремленіемъ и дѣйствительнымъ приближеніемъ къ цѣли, что ея успѣхи чрезвычайно важны для науки вообще и утѣшительны для человѣка, стремящагося прояснить въ собственномъ сознаніи свое мѣсто, значеніе и отношеніе въ гармоническомъ бытіи міра. Изъ нашего отчета видно равнымъ образомъ и то, съ какимъ наслѣдіемъ вышла Философія изъ школы Канта, чѣмъ она богата, и чего не достаетъ ей, что въ ней хорошо, и что не удовлетворительно. Это нужно знать для того, чтобы, сообразуясь съ существенною потребностію настоящаго состоянія науки, дать ей приличное направленіе и, сколько возможно, исправить ея недостатки. Мы видѣли, что Кантъ приписалъ объективной природѣ и органической жизни человѣка весьма мало вліянія на развитіе субъективной области познаній; потому что между опытомъ и умомъ теоретическимъ помѣстилъ чистыя, апріорическія формы чувственнаго

воззрѣнія. Явно, что этотъ взглядъ на человѣка съ одной стороны ограждалъ его самостоятельность и благопріятствовалъ субъективному идеализму, а съ другой дѣлалъ его существомъ изолированнымъ и эгоистическимъ, которое живетъ въ себѣ, собою и для себя, которое ничего, кромѣ себя, существенно не знаетъ, и ни кому, кромѣ себя, не отдаетъ отчета въ своей дѣятельности, даже въ своихъ заблужденіяхъ и погрѣшностяхъ. Такой человѣкъ, очевидно, не можетъ быть типомъ цѣлаго человѣчества и не найдетъ себѣ мѣста въ гармоническомъ составѣ вселенной, гдѣ все существуетъ чрезъ все и для всего. Извѣстно также, что Кантъ всѣмъ явленіямъ внутренней нашей жизни старался сообщить характеръ раціональный, такъ что и самыя чувствованія сердца, о которыхъ впрочемъ онъ говорилъ очень мало, по духу его ученія, или не имѣютъ никакой цѣнности, или суть отголоски умственнаго убѣжденія. Такой взглядъ представляетъ намъ человѣка существомъ конечно умнымъ, основательнымъ, методическимъ; но оно такъ холодно, такъ безчувственно, какъ ratio ex machina: мы не можемъ любить его и не смѣемъ назвать человѣкомъ. Наконецъ, разумѣя человѣка, какъ существо самостоятельное, Кантъ естественно долженъ былъ почитать его такимъ же и со стороны нравственной; а самостоятельность нравственной дѣятельности надлежало основать и на соотвѣтственномъ ей законѣ. По этому Кантъ приписалъ нравственному нашему закону, по от-

ношенію къ его формѣ, величіе закона божественнаго и совершенную довлѣемость, а содержаніе нравственной дѣятельности поставилъ въ зависимость отъ гетерономіи опыта, или отъ закона причинности. Такимъ образомъ человѣкъ, существо единичное и самостоятельное въ смыслѣ теоретическомъ, съ нравственной стороны двоится, какъ форма и содержаніе дѣятельности, и при томъ такъ, что первая не отвѣчаетъ за второе; потому что второе не относится существенно къ жизни человѣка, а только ограничиваетъ свободную волю его. Явно, что этотъ взглядъ на нравственную нашу жизнь мертвитъ ее своимъ формализмомъ, холодитъ душу, не даетъ никакого значенія внѣшнимъ поступкамъ, такъ сильно дѣйствующимъ на наше сердце и такъ тѣсно соединеннымъ съ нашею совѣстію, а особенно ведетъ къ раціоналистическимъ результатамъ въ области религіозныхъ изслѣдованій и къ ложному понятію о свободѣ въ жизни политической. Не мы первые замѣтили столь важные недостатки въ Философіи Канта; они были замѣчены въ Германіи, вскорѣ по выходѣ Кантовой критики: но восторженный Германскій идеализмъ, нашедши въ ученіи своего корифея твердыя для себя основанія, упорно защищалъ ихъ и заглушалъ обвиненія второстепенныхъ мыслителей. Мы возобновили эти замѣчанія, какъ сказано выше, только для того, чтобы показать слабую сторону современной Философіи и то направленіе, которому, для исправленія ея не-

достатковъ, будетъ слѣдовать собственная наша система. Если намъ удастся прояснить указанныя выше темныя стороны человѣческой жизни, которыя превратно поняты Кантомъ и не раскрыты послѣдующими Философами; то нашъ трудъ не будетъ безполезенъ для Философіи въ отношеніи къ ея цѣли.

Но спрашиваютъ: будетъ ли когда нибудь достигнута эта цѣль. Дойдетъ ли наконецъ Философія до послѣднихъ, несомнѣнныхъ результатовъ? Опредѣлитъ ли она значеніе человѣка такъ, чтобы ничего не оставалось желать болѣе? Рѣшеніе сего вопроса не представляетъ никакой трудности: стóитъ только обратить вниманіе на существо науки вообще и на тѣ неизбѣжныя условія, подъ которыми Философія стремится къ достиженію своей цѣли.

Что такое наука? — Это не сумма познаній, собранныхъ въ одну книгу и относящихся къ одному предмету: книга, сама по себѣ, не можетъ быть названа наукою, точно такъ же, какъ и человѣческій организмъ, самъ по себѣ не называется человѣкомъ. Между тѣмъ несомнѣнно и обратное положеніе,—что какъ человѣка ищутъ въ его организмѣ, такъ и науку — въ ея книгѣ. Въ тѣлѣ мы нашли душу,—и говоримъ, что эта разумносвободная душа, одѣтая живою тѣлесною тканію, есть человѣкъ. Явно, что понятіе о человѣкѣ составлено у насъ изъ понятій о душѣ и ея организмѣ. Точно также надобно понимать и

науку: книга въ смыслѣ матеріальномъ есть ея тѣло; система мыслей, развитыхъ въ книгѣ — ея организмъ; а душа, сообщающая жизнь цѣлому, проникающая его, какъ одно, и служащая условіемъ его гармоніи, есть идея ума (1). Гдѣ эта идея — душа науки? (вопросъ, равносильный съ схоластическимъ вопросомъ о сѣдалищѣ души въ тѣлѣ). Вы ищите ее въ книгѣ, — но въ ней нѣтъ души; вы хотите найти ее въ умѣ, — но въ немъ нѣтъ книги; между тѣмъ вы видите, что мысли живы, что каждая страница свидѣтельствуетъ о присутствіи идеи и есть непосредственное ея выраженіе. Между книгою и умомъ связь гораздо тѣснѣе, нежели мы думаемъ, — только она, равно какъ и связь отца съ сыномъ, не подлежитъ чувствамъ: — это невидимая, духовная нить, соединяющая умъ писателя съ его произведеніемъ въ одно существо, — это идея (2). Тѣло называютъ земною кристаллизаціею души: еще справедливѣе,

---

(1) Знаемъ, что наша аналогія встрѣтитъ сильныя возраженія, — во первыхъ потому, что читая книги, не многіе любятъ искать въ нихъ душу (большая часть читателей довольствуется органическою ихъ жизнію, а нѣкоторые — и того менѣе, — красивою наружностію), — во вторыхъ потому, что во всякой литтературѣ мало книгъ съ душею, то есть, мало такихъ сочиненій, въ которыхъ писатели выразили собственную свою идею (сборники чужихъ, кое-какъ склѣенныхъ мыслей и формулъ, не связанныхъ внутренно единствомъ идеи, — по моему мнѣнію, суть книги безъ души).

(2) Эмпиристъ можетъ, если ему угодно, превратить это пред-

кажется, можно назвать сочиненіе кристаллизаціею идеи. Умъ создаетъ идею; идея развивается въ системѣ мыслей, — и эта система есть уже ея ограниченіе, окиселъ, химическое образованіе. Но вы не оканчиваете этимъ процесса умственной дѣятельности, вы переносите свои мысли на бумагу, кладете ихъ подъ типографскій станокъ; — и вотъ ваша идея, подчиненная наконецъ законамъ механизма, не можетъ уже болѣе развивать эту отдѣльную вѣтвь бытія своего и живетъ въ ней, какъ въ своемъ тѣлѣ, не престабая жить и развиваться въ умѣ. Люди видятъ эту механическую ткань идеи, поздравляютъ другъ друга съ наукою и уносятъ съ собою— только ея организмъ. Отсюда видно, что сущность, жизнь, душа науки заключается въ умѣ; слѣдовательно вопросъ: окончитъ ли когда нибудь наука свои изслѣдованія? — равносиленъ вопросу: перестанетъ ли когда нибудь умъ познавать и мыслить? Узнаетъ ли онъ все такъ, чтобы нечего было болѣе знать? то есть, перестанетъ ли умъ быть умомъ?

Впрочемъ этотъ результатъ разрѣшаетъ предложенную задачу только вообще, по отношенію ко всѣмъ наукамъ: мы можемъ найти другой, разрѣшающій ее частнѣе — въ отношеніи къ одной Философіи. Цѣль Философіи — опредѣлить мѣсто,

---

ставленіе въ смѣшную картину. Мы не мѣшаемъ ему шутить; но истина тѣмъ не менѣе останется истиною.

значеніе и отношеніе человѣка въ гармоническомъ бытіи міра. Явно, что для достиженія этой цѣли, сперва нужно опредѣлить всеобщую гармонію бытія, то есть, изслѣдовать взаимную связь существъ, поколику онѣ принадлежатъ къ одному цѣлому, слѣдовательно развить міръ мыслимый и отыскать тотъ всеобъемлющій законъ, которымъ онъ существуетъ и управляется. Но мыслимое, какъ сказано выше, должно быть результатомъ двухъ поляризацій: субъекта и объекта, физическаго и духовнаго. Субъектъ есть начало мыслящее — человѣкъ; объектъ — то, о чемъ человѣкъ мыслитъ, то есть, физическое и духовное. Эти моменты объективнаго бытія не могутъ быть доступны для непосредственнаго вѣденія: они познаются, поколику мыслятся; а какъ скоро становятся мыслимыми; то познаніе объ нихъ необходимо отпечатлѣвается свойствами и начала мыслящаго. Такимъ образамъ, искомое въ области Философіи отчасти предполагается, какъ будто уже найденное, послѣднее является первымъ, цѣль науки дѣлается основнымъ взглядомъ на предметъ ея. Философія только еще хочетъ опредѣлить значеніе человѣка въ гармоническомъ бытіи міра; а между тѣмъ философъ, при самомъ первомъ воззрѣніи на міръ, опирается уже на самосознаніи, слѣдовательно на существѣ своей природы и даже на предварительномъ понятіи о ней. Философія въ искомомъ ею человѣкѣ предполагаетъ существо нормальное, въ которомъ, какъ въ

самомъ вѣрномъ зеркалѣ, отражалось бы цѣлое человѣчество, въ которомъ всѣ мысли, чувствованія и желанія недѣлимыхъ сливались бы въ одинъ совершеннѣйшій аккордъ: и она, какъ наука, разсматриваемая сама по себѣ, внѣ предѣловъ какой бы то ни было школы, конечно права. Но кто ищетъ это существо? — Ищутъ люди съ различными умами и волями, съ различными чувствованіями и страстями, съ различными взглядами на міръ и Творца его: — и можно ли ожидать, чтобы кто нибудь изъ нихъ нашелъ его не такимъ, каковъ онъ самъ? Гдѣ ищутъ это существо? — Ищутъ въ природѣ, построенной на основаніи психической самоувѣренности философствующаго разума, слѣдовательно разсматриваемой сообразно съ субъективными началами души, и не смотря на то, выдаваемой за природу объективную, за предметъ для всѣхъ тожественный (1). Такимъ образомъ умы работаютъ, системы роятся и быстро смѣняютъ одна другую, а Философія все еще не видитъ своей цѣли; потому что философы — люди приспо-

---

(1) Цицеронъ, говоря о Демокритѣ, правда, самомъ тщеславномъ философѣ древняго міра, замѣчаетъ: qui ita sit ausus ordiri: «haec loquor de universis». Nihil excipit de quo non profiteatur. *Cic.* quaest. acad. II. 23. Но такова судьба всѣхъ частныхъ философскихъ системъ. По существу науки, имѣя предметомъ весь міръ, и между тѣмъ развиваясь подъ вліяніемъ личныхъ свойствъ философа, каждая изъ нихъ по необходимости должна быть односторонняя, слѣдовательно къ истинѣ примѣшивать заблужденіе.

соблюютъ гармонію міра къ своему психическому такту и опредѣляютъ въ ней значеніе людей, а не человѣка. Вотъ величайшее, непреодолимое препятствіе, представляющееся Философіи на пути къ ея цѣли, и отдвигающее эту цѣль въ безконечность! Если бы Кантъ обратилъ вниманіе на этотъ философскій камень; то не обѣщалъ бы нашей наукѣ близкаго и вѣчнаго мира. Вторая поляризація, дающая бытіе мыслимому, есть, какъ сказано, физическое и духовное. Но мы замѣтили выше, что физическое, какъ конечное, и духовное, какъ безконечное, взаимно ограничиваясь, должны произвесть неопредѣленное. Явно, что это неопредѣленное дотолѣ не опредѣлится, пока конечное не перестанетъ быть конечнымъ, а безконечное — безконечнымъ, или иначе, — пока онѣ не прервутъ взаимнаго соотношенія, и слѣдовательно — не исчезнетъ мыслимое. Сфера сверхчувственнаго или мыслимаго можетъ распространяться и стѣсняться, свѣтлѣть и помрачаться, смотря по перевѣсу того или другаго элемента въ отношеніи къ философу, котораго бытіе и дѣятельность условливаются тѣми же началами, но никогда не сдѣлается сферою опредѣленною. Отсюда видно, что Философія не можетъ дойти до конца въ опредѣленіи мыслимаго, а потому и никогда не достигнетъ совершенно своей цѣли (1).

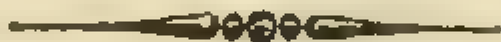
---

(1) Отсюда слѣдуетъ, что ни одна философская система не развилась и не можетъ быть развита до совершенной полноты,

Впрочемъ, что Философія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, не можетъ окончательно достигнуть своей цѣли, это не должно быть обращаемо въ укоризну ей; потому что торжество ума состоитъ не въ достиженіи до послѣднихъ результатовъ, но въ неослабномъ стремленіи къ нимъ. Исторія представляетъ много примѣровъ умственнаго застоя, происходившаго именно отъ того, что народъ призналъ науку законченною и, принявъ ея положенія за непререкаемую истину, не смѣлъ подвергать ихъ критикѣ. Почему нынѣшній Востокъ почитается страною необразованности и грубыхъ предразсудковъ, когда Китайская и Индійская литература, столь разнообразная и богатая, возбуждаетъ удивленіе образованной Европы? — Только потому, что Китай и Индія вѣруютъ въ ея идеи, какъ въ откровеніе, и не дерзаютъ распространить горизонтъ своихъ познаній. Почему эпоху среднихъ вѣковъ Европейской жизни мы называемъ эпохою упадка наукъ, когда въ то время монастырскія школы изучали Платона и Аристотеля едва ли не лучше, чѣмъ нынѣшніе университеты и академіи? — Только потому, что тогдашніе представители учености смотрѣли на положенія Аристотеля, какъ на провѣщанія оракула, и не

соотвѣтствующей реальному бытію природы, иначе она была бы единственная и во всѣхъ отношеніяхъ истинная. См. *Krug's* Programm, de philosophia ex sententia Aristotelis plane absoluta, nec tamen unquam absolvenda. Lpz. 1827.

дерзали мыслить иначе. Наконецъ почему нынѣшняя Европа считаетъ себя образованною, когда она не закончила ни одной науки? — Именно потому, что она не заканчиваетъ ни одной изъ нихъ, но идетъ все далѣе и далѣе по безпредѣльному поприщу наукословія, радуясь всякому новому познанію и вплетая его, какъ новое украшеніе, въ побѣдный вѣнокъ ума. Движеніе умственное столь же безпредѣльно, какъ и нравственное. Нравственно добрый человѣкъ — не тотъ, кто думаетъ, что онъ окончательно исполнилъ нравственный законъ и остановился въ своей дѣятельности (горе ему!); но тотъ, кто неослабно и вѣчно стремится исполнять его. Въ этомъ стремленіи состоитъ его блаженство и наслажденіе!

VI.

ПОЛЬЗА ФИЛОСОФІИ.

Разсужденія о пользѣ науки съ перваго взгляда представляются разсужденіями безполезными и угрожающими читателю скукою, — кажутся вялымъ плодомъ схоластической топики, усильно доказывающей предметъ, — не потому, что онъ имѣетъ нужду въ доказательствахъ, а по тому, что ихъ требуетъ положительная форма введенія. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣливъ цѣль науки, нужно ли еще говорить о ея пользѣ? Если указанная цѣль хороша; то и безъ особыхъ разсужденій должно быть ясно, что наука полезна. Но не сомнѣваясь въ истинности сего общаго заключенія, мы охотно отказались бы отъ изслѣдованія настоящаго предмета, если бы судьба Философіи въ этомъ отношеніи была одинакова съ судьбою

всѣхъ другихъ наукъ. Исторія не представляетъ примѣра, чтобы общество образованное когда нибудь сомнѣвалось въ пользѣ какой бы то ни было частной отрасли человѣческаго знанія: напротивъ Философія и въ самыя щастливыя эпохи умственнаго развитія народовъ, испытывала презрѣніе, оскорбленія и изгнанія, какъ язва религіозной, нравственной и политической жизни государствъ (1). Какимъ образомъ согласить эти, и въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ отчасти обнаруживающіяся явленія съ высотою и благородствомъ той цѣли, къ которой стремится Философія? Вотъ побужденіе, заставляющее насъ говорить о пользѣ своей науки!

Изъ безчисленнаго множества непріязненныхъ судей Философіи самые снисходительные безспорно тѣ, которые почитаютъ ее только *безполезною*, то есть, ни къ чему не служащею гимнастикою празднаго ума. Чтобы вѣрно понять смыслъ сего сужденія и показать степень его справедливости, надобно во первыхъ вспомнить о постановленномъ нами различіи между Философіею и философствованіемъ, во вторыхъ найти то значеніе, которое соединяютъ и какое должно быть соединяемо съ

---

(1) Если подобный жребій иногда падалъ и на науки частныя; то опять потому, что онѣ выступали изъ своей опредѣленной сферы и давали своимъ изслѣдованіямъ общность взгляда философскаго.

словомъ *польза.* Мы сказали, что философствованіе не всегда бываетъ Философіею. Если оно не есть выраженіе одной, постоянно развивающейся идеи о мірѣ и жизни, но возбуждается случайнымъ столкновеніемъ мыслей, или вѣтромъ эфемерныхъ мнѣній; то по нашему мнѣнію, приличнѣе назвать его «чесаніемъ слуха» чѣмъ Философіею. По сему, кто почитаетъ Философію наукою безполезною, разумѣя ее въ смыслѣ простаго, безотчетнаго философствованія; съ тѣмъ мы совершенно согласны. Но совсѣмъ другое дѣло, когда говорятъ о ея безполезности, имѣя въ виду всякое философское произведеніе, построенное на извѣстныхъ началахъ и проникнутое единствомъ идеи: въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы должны изслѣдовать, какой пользы хотятъ отъ Философіи. Польза, сама по себѣ не есть цѣль; цѣль сама по себѣ не есть польза. Говоря о цѣли, никто не дѣлаетъ себѣ вопроса, *для* чего она, пока не обратитъ ея въ средство: напротивъ говоря, что вещь полезна, всякій видитъ ея приложеніе, ея пользу *для чего нибудь.* И такъ спрашивается, *для* какой цѣли должна быть полезна Философія? Кому и чего отъ ней надобно? Мы воображаемъ, что на этотъ кличь стеклись всѣ искатели пользы и требуютъ одни — по крайней мѣрѣ Гермесовой мудрости, другіе — Перикловой знаменитости, а большая часть — волшебнаго жезла *для* превращенія всего въ деньги: — и Философія, приведенная въ крайнее замѣшательство, схватываетъ Діогеновъ фо-

нарь, вырывается изъ толпы и спѣшитъ на площадь — *искать человѣка*; потому что единственная польза, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ ея цѣли, есть опредѣлить мѣсто и значеніе человѣка въ мірѣ, слѣдственно изъ существа его природы и условій его бытія развить сферу его обязанностей и правъ. Но этого, говорятъ, никому не нужно—частію потому, что для сего каждый имѣетъ свой умъ въ головѣ, частію потому, что мѣсто и значеніе человѣка въ мірѣ опредѣляются законами Религіи и Политики. Но что значитъ «свой умъ въ головѣ»?—По нашему понятію, основанному на опытѣ, это — частный образъ мыслей и дѣйствованій, которымъ одно лицо отличается отъ другаго; это — особое царство идей, развиваемыхъ личнымъ эгоизмомъ и управляющихъ волею; это — начало раздѣленія субъектовъ и расторженія общественныхъ связей; это— сѣмя зла, посѣянное въ человѣческомъ сердцѣ и разросшееся въ понятіяхъ. Для того-то и нужна Философія, чтобы ни у кого не было *своего* ума въ головѣ, чтобы всѣ мыслили общимъ умомъ, руководствовались общимъ закономъ, любили общее благо, стремились къ общей истинѣ и достигали общей цѣли,—чтобы всѣ были однимъ существомъ въ милліонахъ лицъ. — Правда, это же имѣетъ въ виду Религія и Политика; потому что первая стремится къ соединенію людей узами братства внутренняго, духовнаго, а вторая приводитъ ихъ въ гармоническое соотношеніе со

стороны физической, внѣшно. Но Христіанство и положительные законы государства, дѣйствуя на человѣка съ двухъ сторонъ его бытія, не оковываютъ его воли, а только требуютъ ея покорности, не убиваютъ его мысли, а только хотятъ ея согласія. Откровеніе есть голосъ отечества небеснаго, проводимый Церковію; уставы государственные суть призыванія отечества земнаго, возвѣщаемыя Правительствомъ. Первое и послѣднія, существуя внѣ насъ, ограничиваютъ нашу волю и въ законности своихъ требованій свидѣтельствуются нашею же природою. Чего же недостаетъ, чтобы человѣкъ, даже привыкшій во всемъ искать достаточной причины, съ глубокимъ убѣжденіемъ ума и съ совершенною готовностію воли предался водительству Церкви и Отечества? — Недостаетъ истинной и здравой Философіи, которая бы безпристрастно изслѣдывала человѣческую природу, вѣрно опредѣлила ея значеніе и отношенія въ мірѣ и ясно означила существенныя ея потребности, — которая бы нашла, что для насъ дѣйствительно необходима небесная помощь Откровенной Религіи, и что внѣшняя жизнь наша должна быть ограничиваема законами (1).

Хорошо, скажутъ намъ, если бы Философія, дѣйствуя въ сознаніи человѣка и стоя въ срединѣ между

---

(1) Строгіе систематики, космополиты и индиферентисты найдутъ здѣсь причину обвинять меня in petitione principiorum: но

Религіею и Политикою, подавала руки обѣимъ: чаще случается напротивъ, — что сдѣлавшись рабою эгоизма и служа ему съ твердостію и постоянствомъ науки, она даетъ человѣческой природѣ значеніе, совершенно противорѣчущее религіознымъ и общественнымъ внушеніямъ, расторгаетъ священнѣйшія связи его съ небомъ и землею, и такимъ образомъ становится наукою *вредною*. Подобныя явленія въ области Философіи конечно не рѣдки, и отвергать ихъ значило бы оскорблять Исторію: но должно внимательно разсмотрѣть, кто бываетъ причиною ихъ, — Философія или Философы. Мы уже замѣтили, когда говорили о недостижимости цѣли, предполагаемой нашею наукою, — что одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ успѣхамъ философскаго изслѣдованія есть необходимость начинать и производить его подъ вліяніемъ частнаго, или личнаго понятія о самомъ себѣ. Это понятіе есть результатъ не науки, а воспитанія и жизни: оно образуется не изъ представленій, а изъ привычекъ, наклонностей и страстей, объединенныхъ эгоизмомъ; его можно назвать понятіемъ практическимъ, символомъ нравственнаго и умственнаго состоянія человѣка. Въ комъ это начало всякой человѣческой дѣятельности или за-

---

должно вспомнить, что мы еще въ предѣлахъ введенія. Читатель увидитъ, что при раскрытіи системы, эти самыя предположенія будутъ не началами, а необходимыми слѣдствіями изъ началъ.

ражено невѣжествомъ, или составлено изъ элементовъ нравственно враждебныхъ и разрушительныхъ; въ рукахъ того Философія дѣлается язвою. Кто получилъ худое направленіе въ состояніи воспитанія и не развилъ всесторонно познавательныхъ своихъ способностей; тотъ натурально хватается за первую превратную мысль, — частію потому, что она гармонируетъ съ субъективнымъ его началомъ и льститъ порочнымъ его наклонностямъ, частію по тому, что онъ не знаетъ ничего, кромѣ ея, и не можетъ положить ее на вѣсы съ другими мыслями, или оцѣнить силою собственнаго разума (1). Между тѣмъ обстоятельства, къ несчастію, поставили его на поприще Философіи, — и Философія безвинно подвергается упрекамъ за нравственныя и умственныя слабости своего дѣятеля (2). Правда, новѣйшая Германія представляетъ намъ много великихъ мыслителей, которые, и по обширной своей учености, и по высокимъ силамъ

---

(1) *Plat.* de republ. V, 476. *αὐτοῦ δὲ τοῦ καλοῦ ἀδύνατος αὐτῶν ἡ διάνοια τὴν φύσιν ἰδεῖν τε καὶ ἀσπάσασθαι.*

(2) *Plat.* de republ. p. 489. *Ἐκ δὲ τοίνυν τούτων καὶ ἐν τούτοις οὐ ῥᾴδιον εὐδοκιμεῖν τὸ βέλτιστον ἐπιτήδευμα ὑπὸ τῶν τἀναντία ἐπιτηδευόντων, πολὺ δὲ μεγίστη καὶ ἰσχυροτάτη διαβολὴ γίγνεται φιλοσοφίας διὰ τοὺς τὰ τοιαῦτα φάσκοντας ἐπιτηδεύειν, οὓς δὴ σὺ φῂς τὸν ἐγκαλοῦντα τῇ φιλοσοφίᾳ λέγειν ὡς παμπόνηροι οἱ πλεῖστοι τῶν ἰόντων ἐπ' αὐτήν, οἱ δὲ ἐπιεικέστατοι, ἄχρηστοι.* Если бы заблужденія философа могли правильно вмѣняться Философіи, то и превратныя ученія Вегшейдеровъ, Штраусовъ и Гермесовъ надлежало бы также обратить въ вину Богословію.

ума, и по нравственнымъ качествамъ сердца, не подходятъ подъ категорію описываемыхъ нами философовъ; и однакожъ ихъ ученіе часто противорѣчитъ религіознымъ и политическимъ требованіямъ народной нашей жизни. Но должно привесть себѣ на память Баконовы idola tribûs, которымъ Философія почти всегда приносила обычныя жертвы. Въ этомъ отношеніи она равномѣрно находится подъ вліяніемъ воспитанія и долговременной привычки человѣка къ извѣстнымъ формамъ религіознаго и гражданскаго его быта. Такою національностію отпечатлѣна и Философія Германская: въ ней все превосходно и всеобще, кромѣ того, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ частному, религіозно-политическому обществу Германіи. Между тѣмъ внѣ Германіи умы не слишкомъ проницательные, по крайней мѣрѣ не слишкомъ коротко знакомые съ духомъ своей вѣры, и съ важностію отличительныхъ условій національной своей жизни, восхищаясь умствованіями иностранныхъ философовъ, рѣдко отличаютъ великія идеи ихъ отъ частныхъ оттѣнковъ ихъ домашнихъ понятій и, покланяясь чужимъ мыслямъ, вмѣстѣ покланяются и чужимъ «идоламъ». Такимъ образомъ неразборчивость, или просто иноземный и иновѣрческій взглядъ умствователей снова навлекаетъ на Философію незаслуженное ею безчестіе и подвергаетъ ее укоризнамъ въ худомъ вліяніи на развитіе умовъ отечественныхъ. И такъ, когда говорятъ, что Философія положительно вредна; то разумѣютъ

конечно не науку, но такого или другаго ея дѣятеля, такую или другую частную систему, напитанную желчію дурнаго сердца, или проникнутую понятіями иноземнаго ума. Если же это справедливо; то сколь ни велика найденная выше польза Философіи для Религіи и Политики, — осуществленіе ея во всякомъ случаѣ есть дѣло условное, и какія для сего требуются условія, — понятно всякому.

Выведши этотъ результатъ, мы нечувствительно приближились къ мысли, что намъ нужна Философія отечественная, оригинальная. Спрашивается: въ чемъ должна состоять она? и какой наукословной пользы можно ожидать отъ національнаго ея характера? — На первый вопросъ отвѣчать не трудно; потому что отвѣтъ на него вытекаетъ изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій. Мы сказали, что истинная Философія дѣйствуетъ между внушеніями Религіи и Политики, и открывъ существенныя требованія человѣческой природы, соглашаетъ ихъ съ законами вѣры и условіями отечественной жизни (1). Но что значитъ дѣй-

---

(1) Философію, поколику она стремится согласить требованія человѣческой природы съ внушеніями Церкви и Отечества, называя истинною, мы представляемъ ея развитіе только въ мірѣ Христіанскомъ. Правда, можно напримѣръ и Философію классической Греціи назвать истинною: но она имѣла дѣло съ язычествомъ, и потому должна была находиться въ обратномъ отношеніи къ обществу и религіи. Сократъ и Платонъ ограничивались также требованіями своей вѣры и по-

ствовать на поприщѣ Философіи между внушеніями Религіи и Политики?—Значитъ производить философскія изслѣдованія подъ ихъ вліяніемъ, опредѣлить значеніе человѣка въ мірѣ сообразно ихъ ограниченіямъ, — не для того, что онѣ требуютъ такого, а не другаго понятія о его природѣ, но потому, что его природа, развитая и взлелѣянная ими, въ самомъ дѣлѣ такова, а не другая. Человѣкъ конечно вездѣ человѣкъ: но это всесвѣтное (ens genericum), само себѣ равное существо является философу не иначе, какъ подъ безконечно-различными типами національнаго быта. Частныя вѣрованія и положительные законы странъ превращаютъ субъектъ универсальный во множество субъектовъ народныхъ, вовсе непохожихъ одинъ на другой;—и это естественно, потому что народ-

---

литики: но они не могли примирить ихъ съ нравственными обязанностями и правами человѣческой природы, а по тому старались подчинить — не Философію религіознымъ и общественнымъ условіямъ, а религіозныя и общественныя условія — Философіи. Отсюда — положенія *Платона: ἐὰν μὴ ἢ οἱ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν - - -, ἢ οἱ βασιλεῖς - - - φιλοσοφήσωσι γνησίως τε καὶ ἱκανῶς, - - - οὐκ ἔστι κακῶν παῦλα ταῖς πόλεσιν.* de republ. V, 473. *φιλοσοφία ψυχῆς περιαγωγὴ ἐκ νυκτερινῆς τινὸς ἡμέρας εἰς ἀληθινὴν τὴν ὄντως οὖσαν, ἣν δὴ ἐπάνοδον φιλοσοφίαν ἀληθῆ φήσομεν εἶναι.* ib. VII, 521. Отсюда — похвалы *Цицерона*: philosophia — ars vitae, fin. III, 2., medicina animi, ib. II, 5., vitiorum peccatorumque nostrorum correctio, Tusc. qu. V, 2 etc. *Сенеки*: quis dubitare potest, quin deorum immortalium munus sit, quod vivimus: philosophiae, quod bene vivimus? Epist. 90 init. et al. et caet.

ный характеръ человѣка образуется также, какъ отдѣльное понятіе разсудка. Понятіе составляется со стороны опытной — изъ нѣсколькихъ представленій, перешедшихъ въ разсудокъ отъ мѣстныхъ предметовъ, а со стороны духовной—изъ единичной, болѣе или менѣе свѣтлой идеи, посредствомъ которой представленія объединяются: подобнымъ образомъ народность условливается со стороны внѣшней — обычаями и мѣстными постановленіями государства, а со стороны внутренней — духомъ вѣры и правилами Церкви. Такъ воспитываются и оразноображиваются народные субъекты! Который же изъ нихъ почесть прототипомъ человѣка, чтобъ вѣрно опредѣлить значеніе его природы? Германецъ отдаетъ эту честь, натурально, Германцу, Французъ—Французу и т. д.; и они предъ своими націями правы, потому что въ Германіи и Франціи человѣкъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ изображаетъ его Философія ихъ. Но таковъ ли онъ въ Россіи? И справедливо ли поступили бы наши умствователи, когдабы, снявъ философскую копію съ Германскаго или Французскаго оригинала, выдавали ее за человѣка прототипа и заставляли нашъ умъ мыслить, наше сердце чувствовать — по германски, или по французски? — Это значило бы желать перемѣнить національный нашъ бытъ, слѣдовательно условія общественной нашей жизни и уставы православной нашей Церкви, элементы которыхъ существенно вошли въ природу Россіянина и сдѣлали его субъектомъ народнымъ.

И такъ Философія отечественная, оригинальная должна имѣть въ виду опредѣленіе мѣста, значенія и отношеній человѣка въ мірѣ, поколику человѣкъ, самъ въ себѣ всегда и вездѣ одинаковый, въ развитіи охарактеризованъ типомъ истинно руской жизни, и, раскрывъ требованія его природы, прояснить ему его обязанности по отношенію къ Отечеству и Религіи.

Такая Философія, уже безусловно полезная для религіознаго и національнаго нашего быта, не менѣе полезна была бы и для развитія частныхъ наукъ въ Россіи. Опредѣляя предметъ Философіи вообще, мы слегка замѣтили, что частныя науки только тогда будутъ находиться во взаимной гармоніи, когда умъ согласитъ ихъ начала, то есть, выведетъ ихъ изъ какой нибудь одной идеи о мірѣ и жизни и укажетъ имъ взаимное сродство ихъ: безъ этого условія, природа — единственный оригиналъ всѣхъ наукъ, должна проявиться въ безконечномъ множествѣ копій, несходныхъ ни съ ней ни между собою. Подъ столь благодѣтельнымъ вліяніемъ ума на всю область наукословія очевидно разумѣется вліяніе Философіи, поколику ея дѣло — опредѣлить гармоническое бытіе міра и найти законъ его развитія въ явленіяхъ. Что наша наука дѣйствительно полезна для сей цѣли, въ томъ никто и никогда не сомнѣвался; что она даетъ стройный ходъ, согласное развитіе, одинакій характеръ всѣмъ отраслямъ знанія въ предѣлахъ своей дѣятельности, это подтверждается Ис-

торіею и наблюденіемъ (1). Нравственно-поэтическое настроеніе мышленія Сократова и Платонова отразилось не только въ современной и послѣдующей наукословности Греціи, но и въ самомъ стилѣ изящныхъ ея художествъ. Духъ Кантова, Фихтева и Гегелева раціонализма отпечатлѣлъ соотвѣтственныя себѣ черты во внутреннемъ характерѣ всей вообще сѣверо-германской учености. Супранатурализмъ Шеллинга, Баадера, Эшенмайера и Шуберта сообщилъ религіозное направленіе всякой изслѣдовательности въ Южной Германіи, такъ что литература Берлинская и Іенская, говоря вообще, нисколько не походитъ на Мюнхенскую, Вѣнскую и Тюбингенскую. Подобныхъ примѣровъ много, — и всѣ они доказываютъ одно, — что философскій взглядъ кладетъ свою печать на всѣ частныя науки, развивающіяся подъ его вліяніемъ. Изъ этой несомнѣнной истины вытекаетъ слѣдующее заключеніе: если извѣстное государство имѣетъ свою оригинальную Философію, то въ немъ непремѣнно должна образоваться также своя, оригинальная наукословность; если же напротивъ оно не проявило собственной, народно-философской идеи, то или еще живетъ одною жизнію практическою, или въ области наукословія довольствуется однимъ подражаніемъ и пользуется чужими

---

(1) Здѣсь прилично снова вспомнить о всеобщемъ взглядѣ на Философію, какъ на науку наукъ (Wissenschaftlehre).

результатами. Осмѣлимся ли приложить это заключеніе къ ученымъ трудамъ въ Россіи? — Нѣтъ нужды доказывать, что у насъ процвѣтаютъ науки: наши университеты и академіи, наши семинаріи и гимназіи, наше умное общество и литературная дѣятельность — живыя доказательства сей истины; слѣдовательно мы живемъ не одною жизнію практическою. Но если бы попечительное Правительство, столь неутомимо заботящееся о развитіи національности въ нашемъ просвѣщеніи, предложило кому нибудь вопросъ: какое направленіе имѣетъ у насъ такая или другая наука? Какой общій характеръ ея въ Россіи? — то для рѣшенія этого вопроса, можетъ быть, пришлось бы опредѣлять внутреннюю ея физіогномію порознь, въ умѣ каждаго лица, занимающагося ею (1). Впрочемъ, говоря такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду конечно не факты, не открытія или изобрѣтенія, а теорію. Всякая наука точно такъ же нуждается въ матеріалахъ, какъ органическое тѣло — въ пищѣ. Матеріаловъ у насъ мало; западная Европа, въ этомъ отношеніи, впереди насъ, и мы не стыдясь можемъ у ней заимствовать. Но пища не

---

(1) Мы раумѣемъ здѣсь особенно науки естественныя и историческія, поколику онѣ, непосредственно принимая въ себя такой или другой философскій элементъ, и имѣя сторону теоретическую, удобнѣе другихъ отпечатлѣваются различными, даже иногда противуположными характерами.

обратится въ плоть и кровь, а открытія и изобрѣтенія — въ науку, если это вещественное богатство не будетъ воспроизведено внутреннимъ началомъ собственной жизни и собственнаго мышленія. Древніе Римляне исчерпали всю ученость классической Греціи: они заняли отъ нея и Философію и Исторію и Краснорѣчіе и Піитику и законодательство и формы воспитанія; а между тѣмъ Бытописаніе, прославивъ ихъ оружіе, почти вовсе не замѣтило у нихъ науки; потому что истинная наука оставалась въ умахъ Платоновъ, Ѳукидидовъ, Димосѳеновъ, Эврипидовъ, а въ Римъ привозимы были только творенія ихъ; потому что Римляне въ основаніе заимствованной учености не положили своей народной идеи, не отпечатлѣли чужихъ сокровищъ національнымъ характеромъ. То же должно сказать и о нашихъ наукахъ: онѣ у насъ, — но не принадлежатъ намъ; это — иноземныя растенія, поддерживаемыя искуственною почвою и теплотою; плоды ихъ нѣжны но непрочны, свѣжи но безъ жизни. Наши науки, — какіе бы элементы познанія ни входили въ ихъ развитіе, — только тогда могутъ сдѣлаться науками собственно нашими, когда будутъ проявляться въ оригинально-руской теоріи; а теорія, — какой бы ни былъ предметъ ея изслѣдованій, — только тогда получитъ у насъ характеръ истинно рускій, когда будетъ проистекать изъ оригинально-руской Философіи.

VII.

СИСТЕМА ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ.

Обозрѣвъ и взвѣсивъ все, требовавшее предварительнаго изслѣдованія для вступленія въ область Философіи, мы, кажется, могли бы теперь начать свое поприще. Одного только условія не достаетъ намъ: — чертежа системы. Говоря о предметѣ Философіи, мы опредѣлили его вообще, подобно тому, какъ военачальникъ опредѣляетъ матеріальное состояніе непріятельской крѣпости на канунѣ осады, или капитанъ корабля — географическое и физическое положеніе моря, на канунѣ отплытія. Но такое опредѣленіе предмета не обѣщаетъ конца нашему поприщу; потому что наша крѣпость, наше море—безпредѣльны. И такъ напередъ надобно указать какія нибудь границы, въ кото-

рыхъ должна будетъ развиваться наша наука. Сверхъ того, говоря о методѣ Философіи, мы нашли, что существенная метода ея есть систематическая, и что наша система должна выразиться въ формахъ методы логической. Но это понятіе о формѣ нашей науки столь же обще, сколь общи были бы заключенія, что въ городѣ улицы и площади расположены симметрически, или что изъ Европы въ Америку можно плыть подъ различными градусами сѣверной широты. Посему мы должны предварительно начертать опредѣленный путь, которымъ намѣрены удовлетворить требованію философской системы и идти къ своей цѣли. Явно, что ограничить такимъ образомъ предметъ и форму Философіи значитъ уже представить не идею нашей науки вообще, а идею частнаго ея организованія въ предполагаемой книгѣ. И такъ объяснимся.

Первый шагъ къ цѣли науки есть непосредственное приложеніе ея начала къ предмету изслѣдованія. Но начало не можетъ быть непосредственно прилагаемо ко всякимъ безъ различія моментамъ предмета, а только къ тѣмъ, которые имѣютъ самое близкое къ нему отношеніе и прямо изъ него вытекаютъ. Слѣдовательно порядокъ истинъ въ извѣстной системѣ на первый разъ долженъ зависѣть отъ того, что принято за ея основаніе, и какія истины находятся въ тѣсной связи съ нимъ. Мы нашли, что лучшее начало Философіи есть сознаніе: посему сознаніе же должно

сообщить нашей мысли и первое движеніе къ тому, къ чему оно непосредственно приложимо. Итакъ спрашивается, что ближе всего къ принятому основанію нашей науки? — Все, существующее за чертою сознанія, можетъ быть только позднѣйшимъ плодомъ изслѣдованій, а не первымъ ихъ результатомъ; все, существующее внѣ человѣка, гораздо ближе къ его чувствамъ и къ безотчетному стремленію его духа, нежели къ его сознанію. Нашему сознанію непосредственно присуще только наше Я съ главными проявленіями его природы, и съ тѣми элементами, которые, вошедши въ него изъ міра объективнаго, сдѣлались неотъемлемымъ его достояніемъ. Посему первый моментъ сознанія есть самъ человѣкъ и первая наука въ системѣ Философіи есть наука самопознанія, или субъектъ въ сферѣ мыслимаго.

Но область самопознанія весьма обширна и разностороння: существо человѣка простирается отъ малѣйшаго, едва замѣтнаго въ организмѣ нерва, до предѣловъ всеобъемлющей и неуловимой сознаніемъ мысли; дѣятельность его развивается отъ первыхъ, неизслѣдимыхъ стремленій духа, до послѣднихъ, органическихъ выраженій чувства и страсти. По этому не вдругъ можно рѣшить, съ которой стороны наука должна начать изслѣдованіе его природы. Философы иногда обращаютъ вниманіе сперва на дѣятельность человѣка, и потому въ основаніе философскихъ изслѣдованій полагаютъ науку мышленія: но такой ходъ Фило-

софіи, по нашему мнѣнію, вовсе не натураленъ; ибо психическая дѣятельность состоитъ не въ одномъ мышленіи, и формы дѣйствій не могутъ быть опредѣлены съ совершенною отчетливостію, пока не будетъ опредѣлено самое бытіе, изъ сущности коего онѣ развиваются. Для избѣжанія столь важнаго неудобства, нѣкоторые мыслители старались найти исходную точку Философіи въ самомъ существѣ человѣка, поколику оно является въ сознаніи, какъ нѣчто самостоятельное (Я=Я), и отсюда развивали весь міръ психическихъ феноменовъ. Но эта сторона самопознанія еще недоступнѣе прежней; потому что представленіе нашего Я въ сознаніи зависитъ отъ силъ представительной и мыслительной, слѣдовательно, какъ представленіе, есть существо чисто логическое, изъ котораго ничего нельзя вывесть, кромѣ ряда логическихъ заключеній. Если же съ понятіемъ своего Я мы соединяемъ значеніе бытія дѣйствительно реальнаго и въ представленіи приписываемъ ему нѣкоторыя опредѣленныя свойства; то этимъ актомъ необходимо предполагаемъ уже предварительное изслѣдованіе собственной природы путемъ опыта и наблюденія: другаго источника, изъ котораго наше сознаніе могло бы заимствовать и приписать нашему субъекту такія или другія качества, нѣтъ и быть не можетъ. Отсюда вытекаютъ два слѣдствія: 1), что Психологія должна начинать свое поприще изслѣдованіемъ человѣческаго бытія, а не дѣятельности; 2) что

опредѣленіе человѣческаго бытія должно быть производимо путемъ опыта и наблюденія. Этотъ путь тѣмъ необходимѣе, что непосредственное вступленіе въ область метафизическаго, или мыслимаго, по условіямъ человѣческаго бытія, невозможно, что войти въ нее можно только по степенямъ опытныхъ познаній о человѣкѣ.

Но начинать познаваніе бытія человѣческаго со стороны опыта значитъ обращать вниманіе исключительно на психическія явленія и разсматривать ихъ, не какъ результаты нашего Я, а просто какъ данныя. Результатъ самъ себѣ указываетъ мѣсто и значеніе въ ряду явленій; потому что въ изслѣдователѣ предполагаетъ знаніе того основанія, изъ котораго результатъ происходитъ: напротивъ данныя суть только знаки, или буквы психическаго алфавита; ихъ надобно еще сравнивать и соединять, чтобы послѣ вывесть заключеніе о томъ началѣ, изъ котораго онѣ развились (1). Данныя, являясь въ мірѣ опыта, необходимо обо-

---

(1) Это замѣчаніе необходимо между прочимъ для отличенія бытія отъ дѣятельности человѣка. Дѣятельность, разсматриваемую не какъ результатъ, а какъ данное, психологъ можетъ не погрѣшительно подвесть подъ категорію бытія; подобно тому, какъ облако, растеніе, окиселъ и проч. мы называемъ бытіемъ. Напротивъ и самое бытіе, разсматриваемое не какъ данное, а какъ результатъ, можно почитать уже дѣйствіемъ; такъ напр. облако, растеніе, окиселъ и проч. суть дѣйствія, когда онѣ разсматриваются въ отношеніи къ своимъ началамъ.

собляются и представляются отдѣльными существами: чтобы найти сродство ихъ и дать каждому приличное мѣсто въ цѣломъ, надобно долго и многократно сближать ихъ, надобно поставлять ихъ въ различныя отношенія и замѣчать, которое сообразнѣе съ природою каждаго. Если же таковъ естественный путь первыхъ опытовъ самопознанія; то, для выраженія его логически, необходима метода синтетическая, долженствующая изъ частныхъ фактовъ психической жизни и взаимной ихъ связи объяснить самое бытіе и существо человѣка. Этимъ путемъ наша наука придетъ къ заключенію, что человѣческое существо проявляется въ трехъ главныхъ видахъ жизни: въ *мышленіи разсудка*, въ *хотѣніи воли* и въ *чувствованіи сердца*, — и что всѣ эти виды человѣческаго бытія развиваются изъ началъ духовнаго и животнаго, и составляютъ одинъ нераздѣльный субъектъ, отражающій свою нераздѣльность въ сознаніи.

Впрочемъ, избравъ этотъ ходъ логической методы, мы не можемъ приложить его къ развитію не только всей системы Философіи, но и всей науки самопознанія. Метода синтетическая на поприщѣ психологическихъ изслѣдованій нужна, какъ сказано, только при первыхъ опытахъ, когда бываетъ необходимо разсматривать частности, чтобы мало по-малу уразумѣть цѣлое, — опредѣлять посылки, чтобы перейти къ заключенію. Но какъ скоро заключеніе выведено и понятіе о существѣ человѣка составлено, — синтезъ уже не нуженъ:

тогда изъ сего понятія, опредѣляющаго реальное начало нашей жизни, можно выводить законы и формы его дѣятельности — уже путемъ анализа. Впрочемъ анализъ въ этомъ случаѣ будетъ служить не столько повѣркою предшествовавшихъ синтетическихъ изысканій, сколько показателемъ всецѣлаго, гармоническаго развитія явленій изъ существа нашей природы, чего метода синтетическая сдѣлать не можетъ. Дѣло самопознанія состоитъ не въ томъ только, чтобы, по возможности, найти содержаніе нашего субъекта и опредѣлить его природу, но въ томъ, чтобы показать форму его бытія, раскрыть его организмъ, то есть, изложить законы гармонически-совокупной его дѣятельности. Первое производится методою синтетическою; а для втораго необходимъ анализъ. Путемъ психологическаго анализа мы раскроемъ законы и формы дѣятельности всѣхъ трехъ видовъ своей жизни, обнаруживающихся въ разсудкѣ, волѣ и сердцѣ, и въ послѣднемъ найдемъ основанія для изъясненія стремленій *религіозныхъ* и *эстетическихъ* — въ обширномъ, или философскомъ значеніи ихъ. Тутъ Философія будетъ имѣть дѣло съ психическимъ языкомъ въ различныхъ его нарѣчіяхъ, то есть съ разностороннею логикою человѣка, указывая посредствомъ анализа не только на образъ ея развитія, но и на самый источникъ ея происхожденія.

Но когда психологическій анализъ, слѣдуя этому направленію, приводитъ философа опять въ

область опыта и, простираясь до послѣднихъ явленій міра субъективнаго, наконецъ открываетъ связь его съ бытіемъ объективнымъ и способствуетъ къ развитію сферы объекта въ мыслимомъ; то на сей высшей степени своей дѣятельности встрѣчаетъ и предѣлъ своего поприща, — если только умъ не имѣетъ причины сообщить своей наукѣ характеръ *субъективнаго идеализма*. Какъ скоро Философія основывается на понятіи абсолютнаго въ человѣческой природѣ (ego absolutum); то не предполагаетъ и не можетъ предполагать границъ психологическаго анализа, потому что, основавшись на абсолютномъ, можно разрѣшать его до безконечности, и въ этомъ случаѣ самое объективное подчинять субъекту, то есть утверждать, что существующее потолику существуетъ, поколику мыслится какъ существующее. Но такой взглядъ вовсе не имѣетъ опоры въ сознаніи и, какъ увидимъ, противорѣчитъ существеннымъ свойствамъ человѣческой природы. Если же напротивъ путемъ психологическаго синтеза найдено, что существо разумно-свободной жизни не абсолютно; то анализъ въ области самопознанія дошедши до послѣдней черты феноменальной человѣческой дѣятельности, непремѣнно долженъ прекратиться; потому что изъ понятія объ ограниченномъ бытіи субъекта аналитически невозможно объяснить объективное бытіе вещей. Впрочемъ съ прекращеніемъ психологическаго анализа не возможно прекращеніе философскихъ изслѣдованій; потому что самъ

же онъ открываетъ связь субъекта съ объектомъ и чрезъ то приходитъ къ вопросу о бытіи міра объективнаго въ мыслимомъ. Но такъ какъ психологическій анализъ долженъ встрѣтиться съ міромъ объективнымъ въ трехъ различныхъ точкахъ соприкосновенія, то есть въ мышленіи, хотѣніи и чувствованіи; то и изслѣдованіе его возможно не иначе, какъ съ трехъ различныхъ сторонъ, слѣдовательно опять синтетически. Такое трехстороннее направленіе объективнаго синтеза натурально должно соотвѣтствовать законамъ разсудка, воли и сердца, поколику въ сферу ихъ предписаній входятъ также и элементы объекта. Посему объективный синтезъ будетъ опредѣлять гармонію бытія, законность нравственныхъ поступковъ и практическое проявленіе чувства въ мірѣ мыслимо-объективномъ. А такъ какъ чувство есть органъ эстетическихъ удовольствій и религіозныхъ стремленій; то разсматривая его проявленія, объективный синтезъ покажетъ также практическое развитіе изящнаго и религіознаго.

Но далеко ли онъ можетъ простираться? Гдѣ предѣлъ его? — натурально тамъ, гдѣ предѣлъ мыслимаго; а мыслимое, по свойству своихъ элементовъ, безпредѣльно. Указывая на него, какъ на область Философіи, мы замѣтили, что оно развивается изъ взаимнаго соотношенія физическаго и духовнаго: но первое, само по себѣ конечное, будучи поставлено въ связь и взаимное дѣйствіе со вторымъ, по необходимости безконеч-

нымъ, должно дать бытіе сферѣ неопредѣленной, въ изслѣдованіи которой философскій синтезъ остановиться, по видимому, не можетъ. Это заключеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что міръ мыслимо-объективный не представляетъ никакихъ средствъ для отличенія въ себѣ существованія самостоятельнаго отъ условнаго. Когда мы опредѣляемъ границы собственнаго бытія, которое развито также изъ физическаго и духовнаго; то намъ въ этомъ случаѣ помогаетъ сознаніе: все существующее за чертою нашего сознанія, не есть наше Я, хотя бы сознающее себя условливалось несознаваемымъ. Но когда надобно бываетъ опредѣлить мыслимо-объективное; то бытіе его не указываетъ ни какой черты, которою можно было бы ограничить условную его реальность и отдѣлить ее отъ безусловно существующихъ элементовъ. Потому-то Философія природы иногда, сама не замѣчая, смѣшивала метафизическое то съ духовнымъ, то съ физическимъ, и преподавала то грубый натурализмъ, то еще грубѣйшій матеріализмъ; потому-то въ древности Іонійская школа полагала въ основаніе вещей τὸ ἄπειρον, Платонъ — вѣчную матерію, Стоики — божественную природу. Для избѣжанія подобныхъ заблужденій при означеніи предѣловъ философскаго синтеза въ мірѣ мыслимо-объективномъ мы должны вспомнить, что духовное и физическое, между которыми и изъ которыхъ развивается мыслимое, суть однѣ и тѣже природы, какъ въ объ-

ектѣ, такъ и въ субъектѣ, и что не только въ первомъ, но и въ послѣднемъ онѣ имѣютъ значеніе чисто объективное. Если же абсолютное и чувствопостигаемое, какъ бытіе объективное, актомъ сознанія отличаются въ области психологіи отъ жизни собственно человѣческой, и чрезъ то обнаруживаютъ характеристическія черты свои; то тѣми же характеристическими чертами можно уже отличать ихъ и въ природѣ объективной отъ всего мыслимаго. Явно, что этимъ способомъ мыслимо-объективное поставляется въ параллель съ мыслящимъ и о предѣлахъ перваго позволяется судить не иначе, какъ по предѣламъ послѣдняго: то есть, мыслимо-объективное на этомъ основаніи должно распространяться на такія истины, къ какимъ можетъ возводить его природа и развитіе мыслящаго; или, что тоже,—синтезъ въ мірѣ мыслимо-объективномъ долженъ опредѣляться анализомъ въ области самопознанія. Поелику же психологическій анализъ опредѣляется, какъ сказано, сознаніемъ; то этотъ масштабъ можетъ быть перенесенъ и въ область объективнаго синтеза,— только здѣсь онъ будетъ имѣть приложеніе посредственное (usus mediatus), поколику то есть условіями субъекта условливается также и объектъ въ мірѣ мыслимомъ.

Но достигнувъ крайнихъ предѣловъ мыслимо-объективнаго и выведши заключенія о его природѣ во всѣхъ показанныхъ отношеніяхъ, можетъ ли Философія окончить этимъ свое поприще? —

Наша наука должна обнять все, какъ одно гармоническое цѣлое, чтобы въ гармоническомъ бытіи міра найти мѣсто и значеніе человѣка. Между тѣмъ, если бы она остановилась на отдѣльныхъ результатахъ о гармоніи бытія, о законности нравственныхъ поступковъ и о практическомъ развитіи изящнаго и религіознаго въ мыслимо-объективномъ; то еще не обняла бы своего предмета, какъ одно цѣлое; потому что послѣдніе результаты ея, относящіеся къ различнымъ сторонамъ мыслимо-объективнаго не были бы подведены подъ одинъ общій взглядъ, и поставлены въ одно уравненіе съ результатами, опредѣляющими бытіе и дѣятельность мыслящаго субъекта. Полное изслѣдованіе предмета Философіи и систематическое достиженіе ея цѣли требуютъ, чтобъ отдѣльныя заключенія объ одностороннихъ проявленіяхъ міровой жизни, или опредѣленія частныхъ гармоническихъ ея выраженій сведены были въ одну картину гармоніи всеобщей. Для сего Философія должна выйти изъ подъ условій своей системы, стать выше логическихъ формъ ея развитія и на всю область своихъ изслѣдованій смотрѣть, не различая межъ, коими раздробило ее дискурсивное мышленіе,—какъ земледѣлецъ предъ жатвою смотрѣлъ бы съ высоты холма на волнующееся море полей своихъ. Тогда въ мірѣ мыслимомъ физическое и духовное, субъектъ и объектъ, бытіе и дѣятельность, прекрасное и религіозное — все сложится въ одну безпредѣльную

космораму и, ставъ въ приличномъ отношеніи къ цѣлому сольется въ одинъ аккордъ, въ одну священную пѣснь Всевышнему; тогда предъ взоромъ нашей науки все будетъ въ связи, въ безконечной цѣпи причинъ и дѣйствій, и она опредѣлитъ въ ней мѣсто и значеніе человѣка. Явно, что этотъ трансцендентальный синтезъ долженъ быть окончательнымъ плодомъ цѣлой системы.

Изъ сего краткаго очертанія, коимъ мы опредѣлили организацію своей Философіи, всякій видитъ, какіе органы должны составлять ее, и въ какомъ отношеніи находятся они одинъ къ другому. Систему этихъ органовъ, или философскихъ наукъ, мы понимаемъ слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ Философія есть наука о мыслимомъ; а въ область мыслимаго сносятъ свои элементы субъектъ и объектъ; то весь курсъ нашей науки прежде всего долженъ быть раздѣленъ на

I. Философію мыслимо-субъективнаго и

II. Философію мыслимо-объективнаго.

Философія мыслимо - субъективнаго есть не что иное, какъ наука самопознанія, или Психологія. Выше сказано было, что, слѣдуя методѣ логической, она должна развиваться преемственно двумя путями,—путемъ синтеза, отъ проявленій субъективной жизни къ существу самаго субъекта, — и путемъ анализа отъ существа субъекта къ различнымъ законамъ и формамъ его дѣятельности. Посему наука самопознанія или Психологія дѣлится также на двѣ части, то есть, на

1. Психологію синтетическую и
2. Психологію аналитическую.

Поелику психологическій синтезъ найдетъ различныя стороны феноменальнаго бытія въ человѣческомъ субъектѣ, какъ то - мышленіе, хотѣніе и чувствованіе, и въ послѣднемъ откроетъ средоточіе эстетическихъ и религіозныхъ стремленій; то дѣломъ психологическаго анализа будетъ — вывесть изъ существа человѣческаго субъекта законы и формы дѣятельности разсудка, воли и сердца въ двухъ видахъ его жизни. Такимъ образомъ психологическій анализъ раздѣлится на

1. Аналитику разсудка, или Логику
2. Аналитику воли, или Ѳоику
3. Аналитику сердца, или
   a) Эстетику и
   b) Философію естественной религіи.

Далѣе, Философія мыслимо-объективнаго, какъ сказано, должна начинать свои изслѣдованія съ тѣхъ самыхъ моментовъ, которыми кончилъ психологическій анализъ, и руководствоваться тѣми самыми силами, которыхъ законы раскрыты имъ въ человѣческомъ субъектѣ. Посему объективное въ мыслимомъ должно быть разсматриваемо

1. Какъ приложеніе понятій разсудка къ бытію объекта, — Философія природы.
2. Какъ приложеніе хотѣній воли къ нравственно-практической дѣятельности, — Практическая Философія.

3. Какъ приложеніе чувствованій сердца къ проявленіямъ ихъ въ опытѣ, —

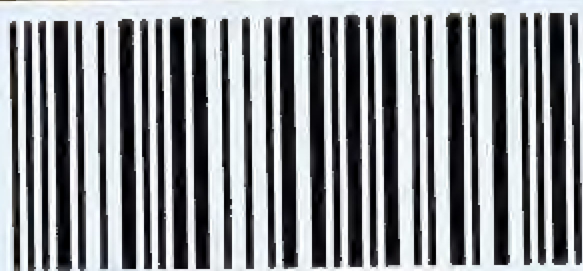
a) Историческое изслѣдованіе эстетическаго,

b) Историческое изслѣдованіе Религіи.

Но такъ какъ всѣ эти изслѣдованія міра субъективнаго и объективнаго могутъ достигать только результатовъ, относящихся къ отдѣльнымъ сторонамъ міровой жизни; то Философія, развивъ всѣ свои науки, должна согласить, привести въ гармонію, въ единство эти послѣдніе результаты и по возможности обнять ими гармоническое бытіе вселенной. Это будетъ эпилогъ системы.

ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.	стр.	Напечатано.	Надлежало печатать.
11	14	φιλὸσοφον,	φιλόσοφον.
22	2	обьективной,	объективной.
—	25	ἱςορἱα,	ἱςορία.
—	26	исторіи,	исторіи.
29	17	ии,	на.
47	4	обьективная,	объективная.
54	4	можду,	между.
62	26	вешъ,	вещь.
83	16	Русскаго,	Рускаго.
93	30	паправленіе,	направленіе.
—	—	сколистической,	схоластической.
114	29	отношені,	отношеніи.

2007055456